

Загадка для благородной девицы

Автор:

Анастасия Логинова

Загадка для благородной девицы

Анастасия Логинова

Детективъ минувших лет

Юная Лидия Тальянова – сирота. Когда-то она считалась француженкой и носила другое имя, но родителей убили при самых загадочных обстоятельствах. А девочку взял под опеку пожилой русский господин и увез в далекую Россию, где устроил в Смольный институт благородных девиц. Даже спустя девять лет, став взрослой девушкой, Лидия не сумела разгадать, кто он и отчего принимает в ее судьбе столь живое участие. А ведь загадки Лидия любит более всего на свете...

Как это обычно и бывает, завеса тайны приоткроется случайно – во время каникул в старинной дворянской усадьбе, куда едет подруга Лидии, дабы навестить больного отца.

Анастасия Логинова

Загадка для благородной девицы

Глава первая

1884 год, Российская империя

Наверное, мне стоило бежать из негостеприимной усадьбы господ Эйвазовых еще после того памятного завтрака, когда Людмила Петровна заявила, что недурно было бы просватать меня за Васеньку, братца моей дорогой Натали. И уж точно следовало убираться восвояси, когда папенька Натали упал замертво на глазах у домочадцев, собственными руками едва не задушив перед тем законную свою жену.

А впрочем... я ведь с самого начала знала, что добром эта история не кончится: от пришедших поздним вечером писем ждать можно лишь беды. Усвоила я эту истину еще в детстве. Когда была девятилетним несмышленышем и жила с родителями в маленькой, солнечной и теплой квартирке на Рю де Лоратуар в славном городе Париже, именно таким поздним вечером к нам постучали. А всего через пару часов я потеряла родителей навсегда. Нынешние мои неприятности начались с того же. С неожиданного письма.

Письмо было адресовано Натали Эйвазовой, моей лучшей подруге и соседке по дортуару Смольного института благородных девиц.

Негоже беспокоить Натали, покуда она читала, но событий в жизни институток так ничтожно мало, что любой выходящий за рамки повседневности случай будоражит умы девушек и дает пищу для разговоров на многие недели вперед. Наши с Натали подруги не сводили с нее любопытных глаз, а меня тормозили:

– Ну же, Тальянова, поди к ней! Расспроси, что да как!

Я делала вид, что их не слышу, и молча готовилась ко сну. Но тоже нет-нет да брошу осторожный взгляд на ровную спину подруги, обтянутую шерстяным платьем. У институток все общее: комната, еда, даже платья одинаковые. Все и всё на виду. Письмо из дома – то единственное, что хоть на несколько минут позволяло нам обособиться от других девочек.

Многие и этого не имели. Среди восьми обитательниц нашей спальни трое, включая меня, не получали весточек от родных вовсе. Одна была сиротой и окончания института боялась более всего на свете, потому как не представляла, что ей делать потом. Другую посещали на моей памяти лишь раз, как-то на Рождество. Я же, ваша покорная слуга, своих родных не видела с девяти лет. Меня, правда, регулярно навещал Платон Алексеевич, который являлся моим попечителем, но он вовсе мне не родственник, я даже фамилии его никогда не

слышала. Хотя наша начальница об этом человеке отзывалась всегда с большим уважением. Да и мне упрекнуть его не в чем. Именно Платон Алексеевич девять лет назад привез меня в Смольный и по сей день обеспечивал мое здесь пребывание. Я даже набралась смелости и со дня на день намеревалась написать ему – попросить найти мне место гувернантки, потому как обучение мое вот-вот подойдет к концу. Платон Алексеевич добр ко мне, уверена, он не откажет.

...Рука Натали с письмом вдруг безвольно обмякла, опустилась вдоль тела: пора! Мигом я пересекла дортуар и встала подле Натали. Мягко коснулась ее плеча.

– Папенька при смерти, – безо всякого волнения произнесла подруга.

Глаза ее были сухими и круглыми, а взгляд растерянным. Она продолжила:

– Он просит приехать, Лиди?, да кто же меня отпустит из института среди учебного года? Перед самыми экзаменами. Верно, я не поеду. Нет, не поеду.

Натали, конечно, переволновалась тогда. Начальница наша, разумеется, не имеет привычки отпускать девиц по первому требованию – однако ежели отец Натали и правда тяжело болен, то непременно сделает исключение. Кем же нужно быть, чтобы запретить дочери в последний раз увидеть отца?

Меня больше беспокоило, что у Натали даже глаза не увлажнились, а лицо сделалось упрямым и решительным. Неужто в самом деле она не хочет поехать домой? Я попыталась ее убедить:

– Натали, послушай...

Но подруга тотчас меня перебила:

– Даже слушать ничего не желаю! – Она по-детски закрыла ладонями уши. – Я никуда не еду, и точка!

Надо сказать, что наши учителя особенно любили Натали за добрый нрав и послушание. Лишь девочки, знакомые с ней достаточно близко, знали, что Натали будет выглядеть послушной ровно до того момента, пока требуемое не

станет расходиться с ее желаниями. А уж в подобных случаях она становится такой упрямцей, что сладить с нею совершенно невозможно.

Вот и теперь, не отнимая ладоней от ушей, Натали сорвалась с места и, вихрем пронесшись через комнату, вылетела прочь. Девочки не посмели ее задержать.

Потом, несмотря на поздний час, ее пробовала убедить наша начальница. Я всем сердцем надеялась, что у нее получится: хотя и было бы мне тяжело расстаться с единственным родным человеком, но я понимала, что для Натали так будет лучше.

Девочки давно спали, когда подруга беззвучной тенью вернулась в дортуар и начала быстро переодеваться ко сну. Кровати наши стояли рядом, потому я приподнялась на локте и чуть слышно спросила:

- Так ты едешь, дорогая?

- Не знаю... - после недолгого молчания ответила та.

Я выбралась из-под одеяла и скользнула на кровать к Натали:

- А я знаю, в чем дело. Ты просто боишься, моя маленькая трусишка. - Я обняла Натали за плечи. - Я понимаю, я бы тоже боялась: твоя мама давно умерла, а отец ни разу не навестил с тех пор, как отдал сюда. Ты боишься, что он и сейчас тебя не примет.

- Я не его боюсь, - всхлипнула Натали, и я поняла, что она плачет. - У отца новая жена - злая и жадная женщина...

- Отчего ты решила, что она злая?

- Это из-за нее меня сюда отправили: в тот год папенька как раз на ней женился. Да и Вася, брат, про нее всякое писал... А еще дома гостит моя тетка, Людмила Петровна. Ты не представляешь, как я боялась ее в детстве! И мама боялась, и Вася. Она даже папенькой крутила, как хотела. Не дадут они мне жизни.

- Но ведь есть Вася, он тебя защитит.

– Вася и сам с ними мается... – вздохнула, жалеючи брата, Натали.

Я же теперь уловила в настроении Натали перемену: ей хотелось поехать, но было боязно.

– Послушай, милая: не хочу пугать тебя, но что, если другого случая увидеть папеньку у тебя уже не будет? Люди смертны. Подумай о нем – не лишай радости видеть единственную дочь в последний раз! Ты ведь любишь его?

– Разумеется...

– Тогда будь сильной: ты справишься и с мачехой, и с вредной теткой. Ты вон какой храброй можешь быть, когда захочешь!

Я тихонько рассмеялась – и подруга рассмеялась в ответ.

– Завтра посмотрим... – произнесла Натали и, поцеловав меня в лоб, опустила голову на подушку.

* * *

– Хорошо, я еду, – заявила наутро подруга. – И ты едешь со мной.

Я только раскрыла рот и не успела ничего сказать – а Натали уже принялась канючить:

– Лиди, ну пожалуйста!.. Начальница не желает отпускать меня одну! Представь себе, хочет послать со мною кого-то из классных дам в качестве няньки. Да я со стыда сгорю, если появлюсь дома с нянькой! Насилу ее уговорила позволить тебе меня сопровождать. Ты-то у нее в любимицах...

Что правда, то правда. Ежели моим подругам требовалось выпросить что-то у классной дамы или Ольги Александровны, начальницы института, – послом для переговоров всегда отправляли меня, и это было залогом успеха. Когда Натали взбрело в голову помогать сестрам милосердия в ближайшем госпитале, мне даже удалось уговорить Ольгу Александровну отпускать нас по воскресеньям.

Право, я сама удивилась, когда та позволила... Я смутно догадывалась, что все дело в Платоне Алексеевиче, моем попечителе, которого начальница наша безмерно уважала и даже, кажется, боялась...

Еще какое-то время я пыталась воспротивиться нынешней затее Натали. Говорила что-то, а сама только и думала, какая же это хорошая идея. Я могла только мечтать, чтобы вырваться из Смольного и хоть какое-то время, хоть неделю, пожить на воле – не прислугой в чужой семье.

Я знала, что это здесь, в институте, мы с Натали похожи словно сестры. А там, в большом мире, у нас будут совершенно разные судьбы. Ее, вероятно, ожидает жених из знатного рода и папенькино наследство, а мне только и остается надеяться, что хозяева дома, в который меня определит Платон Алексеевич, будут не слишком суровы ко мне.

Но как же заманчива была мысль пожить жизнью Натали хоть немного...

* * *

Мы выехали на следующее утро. Погода в эти дни стояла ненастная, и Ольга Александровна советовала нам обождать. Но Натали теперь, почуяв запах свободы, не желала оставаться в этой уютной и доброй тюрьме лишнего дня. Я и сама готова была бежать отсюда хоть в дождь, хоть в снег.

Начальница обещала дать свою личную коляску, но уже перед самым отъездом не вытерпела и поехала с нами. На Варшавском вокзале Ольга Александровна горячо распрощалась с нами и даже прослезилась немного.

– Берегите себя, девочки... – целуя в щеку то меня, то Натали, повторяла она, будто не слыша, что кондуктор просит пассажиров пройти на свои места. – Лиди, обещай мне, что станешь присматривать за Натали!

В этот момент подруга не выдержала и, бросившись к ней на шею, разрыдалась.

– Да-да, – уже нервничая, заверила я, – как только мы доберемся, я первым делом напишу вам.

Почти силой я увлекла Натали за собой в поезд, и, стоя на ступеньках, мы еще долго махали Ольге Александровне. Признаться, мне тоже было в этот момент горько: мы обещали вернуться в родное заведение самое большее через три недели, но какими они будут – эти недели? Мне казалось, что я уезжаю в новую жизнь.

* * *

При знакомстве с новенькими Натали всегда заявляла, гордо вскинув подбородок, что род Эйвазовых ведет свое начало от эриванской знати. Новенькие не спорили, хотя и не находили во внешности Натали ничего восточного, кроме разве что взрывного характера. Как бы там ни было, в России потомки славных меликов[1 - Восточный дворянский титул на территории Армении и Азербайджана (здесь и далее прим. авт.).] скоро растеряли не только типичные армянские черты, но и богатства. Лишь прадед Натали начал возвращение былого величия фамилии: сделался сперва управляющим на заводе, потом удачно женился, выкупил один из цехов, наладил производство. Его сын значительно приумножил богатства, а внук – папенька Натали – теперь был широко известен, как купец и промышленник, владеющий заводами на Урале и рудниками в Сибири. Женился он на дворянке хорошего рода, и ни у кого уж не возникло вопросов, когда Натали принимали учиться в Смольный институт благородных девиц на Николаевскую «благородную» половину.

Самой же заветной мечтой купца Эйвазова было обзавестись большой дворянской усадьбой. Что и осуществил он незадолго до рождения единственной дочери.

Поездом мы добрались до Пскова уже к вечеру, а на вокзале нас дожидалась коляска, присланная родственниками Натали. Подруга смело разглядывала окрестности, высунувшись из-под кожаной крыши, и мыслями была уже там, в своем новом старом доме. До поместья мы добирались еще не меньше двух часов, и все это время нас сопровождал ливень, какой бывает только в середине мая, да густеющая ночная темнота. Никто из Эйвазовых нас не встречал у ворот, помогали сойти только домашние слуги. Высокий и сильный парень таскал поклажу, а две полные русоволосые девушки снимали с нас накидки и поочередно охали, как-де мы вымокли, бедняжки...

Когда же они разошлись, оказалось, что в холле находится еще одна женщина. Она стояла у лестницы – очень высокая, одетая в глухое черное платье и укутанная в цветастый платок до пола. Женщина была молодой, не старше двадцати пяти, и довольно красивой. Светловолосая, с простой, но изящной прической, а глаза ее тяжелым и неприветливым взглядом смотрели на мою подругу, пока что ее не замечавшую.

Сообразив, что на этот раз перед нами хозяйка дома, я тронула Натали за плечо и почтительно опустила в реверансе. Почему-то я думала, что мачеха Натали окажется гораздо старше и гораздо менее красивой...

Краем глаза я видела, что Натали не сделала поклон вслед за мной, а лишь вскинула голову еще выше.

– Лизавета Тихоновна, я полагаю? – спросила она по-русски и тоном, которого я от кроткой подруги никак не ожидала.

Дама, названная Лизаветой Тихоновной, изобразила на лице улыбку. Подошла к Натали и, неловко обняв ее, поцеловала в обе щеки. Меня едва передернуло от фальши, которая сквозила в каждом ее движении.

– Наташенька, ты так выросла... я едва узнала тебя, – поздоровалась Лизавета Тихоновна тоже по-русски, продолжая рассматривать Натали.

– Разумеется, ведь когда вы пожелали отослать меня из дома, мне было двенадцать, – с вызовом ответила та. Потом несколько смягчилась и обратилась ко мне уже на французском: – Лиди, познакомься – моя мачеха, Лизавета Тихоновна, третья жена моего папеньки. Если б судьба распорядилась иначе, она могла бы быть нашей соседкой по парте.

Глаза подруги горели, а голос становился все звонче – вот-вот она должна была либо расплакаться, либо броситься на мачеху с прямыми упреками. Мне было крайне неловко присутствовать при этой сцене – я не находила куда себя деть.

Не знаю, чем бы все закончилось, но в это время на лестнице, ведущей на второй этаж, показался молодой мужчина – отчего-то, едва бросив на него взгляд, я поняла, что это и есть Вася, о котором Натали все уши мне прожужжала. Они с сестрой были поразительно похожи: ростом брат, конечно, был выше и шире в

плечах, но имел ту же тонкую кость, что и Натали, те же едва заметные веснушки на щеках и светлые, чуть отливающие медью волосы.

- Вася! - вскрикнула Натали, подтвердив мои догадки.

Она подхватила юбки и с места бросилась ему в объятия, заговорив при этом на русском столь торопливо и бегло, что я понимала ее через слово.

- Васенька, как же я скучала! - пылко говорила Натали. - А как папенька? Где он? Проводи меня скорее! Ах, постой...

Не отпуская его, Натали потянула брата ко мне и, схватив свободной рукой мою ладонь, тепло улыбалась, переводя взгляд с его лица на мое.

- Васенька, познакомься, мадемуазель Тальянова Лидия Гавриловна, моя лучшая подруга. Я так надеюсь, что вы подружитесь! Вы самые дорогие мне люди!

- Василий Максимович, - отрекомендовался мне брат Натали.

- Просто Лиди, - присела в реверансе я.

Он поклонился мне очень неловко, по всему было видно, что он простой человек, не привыкший к обществу, да и вообще к посторонним. Право, и мне никогда раньше не доводилось бывать в русской деревне, я плохо представляла, как держаться с этими людьми. Потому решила вести себя по-простому, от души, оставив безликие манеры, привитые в Смольном, для других мест.

- Прошу простить меня, Лидия Гавриловна, - продолжил Вася снова по-русски, упорно именуя меня по имени-отчеству, как это принято здесь, - мы знакомимся не при самых приятных обстоятельствах. Мы с Наташей должны идти - папенька очень по ней соскучился.

Тотчас они меня и покинули, на ходу пообещав, что лакей сейчас же явится и проводит меня в комнату.

Я при этих словах недоуменно обернулась на Лизавету Тихоновну. Странно, проводить меня вполне могла бы и хозяйка дома - но на нее, стоявшую за моей

спиной, Вася вовсе не обратил внимания, будто той и не было здесь. Что за чудные отношения в этой семье?

Воспитание не позволило мне молча дожидаться слугу: я вновь поклонилась Лизавете Тихоновне, мучительно подбирая тему для разговора:

– Я надеюсь, что не слишком обременила вас своим присутствием здесь в такое неподходящее время?

– Нет, что вы! – поспешила заверить меня мачеха Натали, сейчас выражение ее лица было куда более располагающим. – Но мне заранее придется извиниться за сцены, свидетелем которых вы обязательно станете. В этой семье не все гладко, как вы заметили.

Видит Бог, мне лезть в их семейные дразги вовсе не хотелось. А тем более не хотелось, чтобы мадам Эйвазова видела во мне соратницу в борьбе с домочадцами. Но судя по всему, этой участи мне не избежать.

– Я вижу, что вы более воспитанны, чем моя падчерица, Лида... вы позволите мне вас так называть?

Я не сразу нашлась, что ответить, поскольку никто и никогда меня Лидой не звал. Я знаю, что мое имя – Лидия – не самое типичное для француженки: мама рассказывала, что назвала меня так в честь родственницы-протестантки Лидии Клермон. Лидией Клермон звалась и я, покуда жила с родителями, а прибыв в Россию, получила фамилию Тальянова. Начальница Смольного утверждает, что так звали в девичестве мою матушку и что она была русской. Я не поверила, но моего мнения никто не спрашивал.

Но с фамилией новой я все-таки свыклась, а вот то, что имя мое начали коверкать на русский лад, было пока что в новинку.

Лизавета Тихоновна, верно, заметила мое замешательство:

– Я совсем вас заговорила... должно быть, вы устали с дороги? Позвольте, я вас провожу в вашу комнату?

Позволять мне не хотелось, тем более что лакей явился, но вопрос Лизаветы Тихоновны был риторическим: не дождавшись моего согласия, взмахом руки она уже прогнала лакея.

Как я предполагала, Лизавета Тихоновна, шагая впереди меня, не молчала в дороге. Но, как ни странно, порочить Васю или Натали не спешила.

– Это старый дом, – рассказывала она, любовно касаясь пальцами в крупных серебряных перстнях перил парадной лестницы, – построен еще в начале века, и хозяева очень берегли его. Максиму Петровичу, моему мужу, он достался в целостности и сохранности. Вы еще не бывали в здешнем парке? Ах, конечно, не бывали... Право, нет места красивее.

– Вижу, вы очень любите этот дом?

– Конечно, люблю. Я, видите ли, сирота, родители мои погибли очень рано, и своего дома у меня никогда не было. Этот первый.

Лизавета Тихоновна по-девичьи стыдливо наклонила голову, и именно тогда мне стало вдруг остро жаль эту женщину. Одинокую в собственном доме и никем не любимую. Никем – кроме разве что мужа.

Глава вторая

Гостевая спальная показалась мне невообразимо милой. На короткий миг даже всплыл в памяти образ моей детской на Рю де Лоратуар, где были поклеены очень похожие обои – голубые с синим узором. Простенькие акварели на стенах, беленая ширма, укрывавшая туалетные принадлежности, узкая кровать в нише за балдахином, а у окна – бюро для письма и два венских стула.

Сквозь открытую форточку комнату наполнили запах дождя и некий пьянящий цветочный аромат. Аромат этот всюду витал во дворе, но я тогда еще не знала, что за диковинный душистый кустарник цветет в русской деревне весь май... Как и не знала, что в будущем, едва заслышу этот аромат, память всякий раз будет возвращать меня в тот самый май 1884 года, который так сильно изменил

МОЮ ЖИЗНЬ.

Но это все после. А тогда я с любопытством осматривалась в комнате, показавшейся мне просто шикарной, царской. Только немного смущал иконостас, на который я взглянула лишь мельком и предпочла скорее отвести взгляд.

Миловидная тоненькая девушка с белокурой косой через плечо как раз заканчивала стелить постель, когда я вошла.

– Ох, и погодка сегодня не заладилась, – с трудом разобрала я русскую простонародную речь. – Верно, устали с дороги? Вам поесть-то чего принести или просто чайку?

– Чайку? – повторила я, делая ударение на первый слог и вспоминая, что «чайка» – это такая птица по-русски.

Я совершенно не понимала, что она от меня хочет: при чем здесь чайки?

– Благодарю! – ответила я и сколь могла приветливо улыбнулась. Натали учила, что когда я чего-то не понимаю, нужно сказать это универсальное слово, и все будет хорошо.

Девушка, закончив с постелью, подошла ко мне, поглядывая теперь как на диковинную зверушку.

– Меня Дашей кличут, – произнесла она громко и по слогам. – Так не хотите, что ли, кушать? А то у нас буженинка с ужина осталась, дюже вкуснющая. Не хотите?

– Благодарю... – ответила я теперь не так уверенно.

И, пока мучительно вспоминала этимологию слова «хочить», Даша хмыкнула, сделал книксен и вышла вон.

А я, оставшись одна, навзничь упала на постель, потому что действительно очень устала. И еще я подумала, что надобно вспоминать русскую словесность – единственную дисциплину в Смольном, которая совершенно мне не давалась.

Иначе я даже чаю у местных горничных попросить не сумею.

* * *

Я проснулась резко и сперва даже не поняла отчего. Вокруг висела густая темнота, и было тихо настолько, что мне тотчас стало не по себе. Я уже и позабыла те времена, когда владела собственной отдельной комнатой...

И снова этот звук выдернул меня из размышлений! Как будто кошка мяукает... нет, не кошка. Это же детский плач! Через мгновение я уже не сомневалась, что это ребенок – только откуда он здесь? Натали непременно рассказала бы мне, если бы у нее родился брат или сестра. Может, это у горничных?

Я решила не думать, а отвернулась к стене и с головой накрылась одеялом. Не помогало. Напротив, этот ребенок плакал, казалось, еще громче, как будто у меня над ухом. Минуты через три, когда я поняла, что этот плач разогнал остатки сна, я откинула одеяло, нащупала в темноте свечу и коробок спичек.

Ступая босыми ногами по холодному полу, я добралась до двери и выглянула в коридор. Пламя свечи дрогнуло, должно быть от сквозняка, и едва совсем не пропало – мне пришлось загородить его рукой. И в этот момент я заметила легкую белую тень, мелькнувшую в конце коридора и тотчас скрывшуюся за углом.

Меня буквально парализовало на месте: долю секунды я решала, вернуться ли мне к себе или пойти посмотреть? Быть может, это просто кто-то из родственников Натали? А быть может, это и на детский плач прольет свет.

Медленно, чтобы не погасла свеча, я прошла по коридору и заглянула за угол. Каково же было мое удивление, когда здесь я никого не увидела – маленький закуток за углом кончался глухой стеной, почти полностью занятой картиной. Рядом только софа с забытой кем-то газетой и большой фикус в кадке.

Растерянно я подошла к софе, взяла газету, после чего подняла взгляд на картину.

Это был портрет. Сидящей на софе была изображена дама средних лет с кошкой на коленях. Женщина имела темные волосы, черные брови вразлет и суровый взгляд, от которого мне как будто стало зябко. Я утомленно покачала головой, думая, что нужно все-таки пойти к себе и попытаться уснуть, но в этот момент кто-то легонько тронул меня за плечо – я вздрогнула и едва не уронила подсвечник.

– Ох... Господи, Натали... со мною чуть удар не случился! – Это была всего лишь моя подруга, неслышно подошедшая сзади.

– Прости, Лидушка, не хотела тебя напугать.

Лидушка... меня даже передернуло. Вот уже этот синдром «русскости» передался и Натали. Но я решила этого не заметить:

– Ничего. Просто я увидела, как кто-то – должно быть, это была ты – прошел по коридору, и решила посмотреть.

– Я не проходила здесь... – смотрела на меня круглыми глазами Натали. – Я только что вышла из своей комнаты, потому что... тебе не показалось, что где-то на этаже как будто плачет ребенок?

Так. Значит, мне не померещилось. Я улыбнулась и постаралась ответить как можно спокойнее:

– Должно быть, это младенец одной из горничных.

– Комнаты горничных ниже, здесь только господские спальни, – хмурясь, отозвалась моя подруга.

– Да, но в полной тишине звуки вполне могут доноситься и с первого этажа, – с улыбкой ответила я как можно спокойней и рассудительней.

Дело в том, что моя подруга была очень впечатлительной девушкой, склонной верить и безумно бояться всякого рода потусторонних явлений.

Однажды кто-то из наших подруг рассказал историю, выдуманную наверняка на ходу, – будто на заре становления Смольного здесь воспитывалась некая княжна, которую разлучили с ее женихом, и бедняжка, не снеся горя, выбросилась из окна столовой, разбившись насмерть. Якобы ее неупокоенный дух до сих пор бродит по нашей столовой, а по ночам оттуда даже доносится девичий плач. Эту историю рассказали при Натали три года назад, а она до сих пор бледнеет, когда видит, что в столовой что-то лежит не на привычных местах. А уж о том, чтобы пройти мимо ее дверей в неурочный час, и речи идти не может.

Кстати, это еще одна черта русского народа, которая не укладывается в рамки разумного: они, называя православие единственной возможной религией, в равной степени же верят в домовых, которых надобно задабривать конфетами, в русалок, в которых непременно превращаются утопленницы, и, разумеется, в святочные гадания – без этого никак. Мне никогда не понять, как можно допускать одновременно и единобожие, и языческие дохристианские верования. Ведь это, как сказал бы Платон Алексеевич, взаимоисключающие параграфы!

Как бы там ни было, но Натали я люблю всей душой, вместе со всеми недостатками, потому по возможности всегда стараюсь защитить и подругу, и ее нервы. Сейчас она, слава богу, позабыла о детском плаче, потому как, приблизив свечу к картине в закутке, разглядывала ее с большим вниманием.

Я не удержалась и спросила:

– Натали, милая, ты знаешь, кто изображен на этом портрете?

Она нахмурила лоб, и по виду ее можно было догадаться, что сей портрет она видит впервые.

– Не знаю... Папенька ведь купил этот дом у какой-то разорившейся семьи – может, это и есть прежняя хозяйка? Лиди, какой пугающий взгляд у этой женщины. Мне не по себе. Ты можешь посидеть в моей комнате, пока я не усну, дорогая?

Разумеется, я не отказала. Комната Натали находилась через одну дверь от моей, и окна ее так же выходили на густой сосновый лес, совершенно черный в ночи. Сама комната была почти полной копией моей – только стены и покрывала

здесь были не синие, а зеленые, да стояло несколько комодов и большое, в человеческий рост, зеркало.

Забравшись в кровать, мы при свете единственной свечи еще долго обсуждали множество вещей – в основном Натали говорила, конечно, о больном отце, а я больше слушала. Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем обе мы уснули.

* * *

Я пробудилась первой и, обнаружив Натали еще спящей, не стала ее тревожить, а тихонько выскользнула за дверь.

Оказалось, что днем этот дом, а в частности столь пугающий ночью коридор меж комнатами, просто лучился светом. Солнце проникало сквозь огромные окна, отражалось от серебра подсвечников и таяло на полированных ножках диванов и кресел. По одну сторону коридора тянулись двери в спальни хозяев и гостевые, противоположная же сторона была сплошь остекленной и выходила на парадное крыльцо, веранду и утопающий в зелени парк. Сам коридор вел к широкой лестнице с резными перилами, за которой следовала «мужская» часть дома, а другой конец коридора упирался в закуток с портретом, где мне вчера повезло побывать.

Покинув комнату Натали, я намеревалась быстро проскользнуть к себе, но, не успев сделать и шага, заметила у лестницы мужчину. И невольно ахнула, потому как выглядела совершенно неподобающе – я стояла босиком, в одной лишь сорочке до пят и с распущенными по плечам волосами. Ахнула я совершенно напрасно, поскольку до этого мужчина и не видел меня. Зато теперь окинул взглядом с головы до пят и лишь потом отвернулся – отвернулся с выражением такого презрения на лице, что мне захотелось тотчас провалиться на месте. Я немедленно бросилась в свою комнату.

Господи, как стыдно, как стыдно, как стыдно... Щеки мои горели огнем: как я могла допустить такой промах?! Это институт, где особ мужского пола сроду не пускали дальше столовой, меня так разбаловал. В Смольном, разумеется, тоже считалось дурным тоном разгуливать вне спальни в исподнем, но, право, редкая девочка стала бы переодеваться в платье, чтобы пожелать спокойной ночи подруге из другой комнаты.

Но устроить такое здесь! Хороша бы я была, выкинь такой фортель на службе гувернанткой по рекомендации Платона Алексеевича...

Спустя четверть часа я все-таки убедила себя не терзаться. Умылась, заплела волосы в косу и по обыкновению уложила ее тугим узлом на затылке. Из двух имеющихся у меня нарядов – простого институтского платья и прогулочной синей юбки с блузой и жакетом – решила выбрать второй. Приколола соломенную шляпку и поскорее спустилась во двор: намеревалась поглядеть на приусадебный парк, нахваленный мадам Эйвазовой. И может быть, удастся отыскать тот самый душистый кустарник, заинтересовавший меня еще с вечера.

Усадьба купца Максима Петровича, батюшки Натали, включала в себя добротный двухэтажный дом с просторной гостиной, столовой и даже бальным залом. Южная стена смотрела окнами на скромный задний дворик, за которым начинался сосновый лес – именно на эту сторону выходили наши с Натали комнаты. Северная же стена была фасадной – к ней, к самому парадному крыльцу, тянулась широкая подъездная дорога, усыпанная гранитной крошкой. Однако уже в десяти шагах от дома дорога расходилась: одна ее ветка вела ко флигелю и усадебным воротам, а другая терялась в зелени парка. По ней я и направилась.

По обеим сторонам дорожки высились ухоженные и даже выстриженные в форме животных кустарники. Пройдясь меж ними, я наугад свернула на очередное ответвление тропинки и, к полной своей неожиданности, вышла в дивной красоты сад, где дурманяще пахли пышные кусты сирени.

Да, это была сирень – видела ее прежде в учебниках и сразу узнала. По ботанике у меня не было иных оценок, нежели «отлично», но вот с практикой беда... Эта диковинная сирень вовсе не растет в Париже, да и в Петербурге мне ее видеть не приходилось.

Я не удержалась и прошла в глубину сада, приблизила рукой ветку с нежно-лиловыми цветками, уткнулась в нее лицом и вдохнула поглубже. Право, если я когда-нибудь покину Россию, то немногое, по чему я буду скучать, так это здешняя весна. Да, весна в Париже это одно из самых чудесных явлений на земле: с ее яркими красками парковых цветов, пестрыми нарядами дам, игрой солнца на мостовых. Весна в Париже ни в коей мере не может сравниться с весной в каком-нибудь пригороде Пскова. Но... отчего-то именно здесь у меня перехватывало дух и хотелось беспричинно улыбаться.

Уединение мое нарушил шорох гранитной крошки за спиной, и я скорее обернулась: следом за мною в уютный сиреневый уголок входил молодой человек – темноволосый, курчавый и смуглый. В заляпанных грязью сапогах и несвежей алой рубахе. По-видимому, это был русский крестьянин. Или даже цыган, которых я прежде никогда не видела, живя в Петербурге, и которых Ольга Александровна настоятельно советовала нам сторониться.

И правда – увидев меня, молодой человек даже не поклонился, а в глазах его было скорее любопытство, чем почтение.

– У меня есть пятилистник – хотите подарю? – сказал вдруг он.

Цыган смотрел на меня с прищуром, будто оценивал. Поразительная бестактность. Вероятно, воспитаннице Смольного следовало бы вспыхнуть, поглядеть на него презрительно и тотчас пойти пожаловаться хозяевам. Но это было не в моем характере: я, увы, слишком интересуюсь проявлениями человеческой природы – потому я решила поддержать беседу.

Я знала значение слова «пятилистник», но понятия не имела, что сей цыган под ним подразумевал. Русские постоянно говорят одно, а думают другое – постичь ход их мыслей невозможно.

Поэтому я улыбнулась сдержанно и ответила только:

– Благодарю.

Молодой человек приблизился ко мне еще на два шага, отер руку о штаны и подал на ладони крохотный цветок сирени, на котором было не четыре лепестка, как обычно, а пять. Теперь только я поняла, что он имел в виду под пятилистником, и, невольно улыбнувшись, взяла цветок. С любопытством разглядела.

– А загадывать-то что собираетесь?

– Что? – отвлеклась я от сирени.

– Говорю, что загадывать будете?! – гаркнул он так, что я вздрогнула. – Нужно ж желание загадать над пятилистником – тогда сбудется!

В ответ я пожала плечами и осмотрелась, раздумывая, чего бы мне сейчас хотелось. Произнесла медленно и осторожно, тщательно выговаривая слова на чужом языке:

– Пожалуй, я загадаю, чтобы дождя нынче не было. – Кажется, это была самая длинная фраза на русском, которую я озвучила вне классных комнат.

Парень скрестил руки на груди и удовлетворенно покачал головой – видимо, мое желание ему понравилось.

– Головастая вы, барышня, сразу видно. Девки-то молодые все женихов себе загадывают, а у вас, видать, и так от женихов отбоя нет.

Признаться, я почти ни слова не поняла из сказанного, но, кажется, он затронул тему женихов, чем явно позволил себе лишнее. И продолжал:

– Так вы, значит, та француженка и есть?

– Oui, – призналась я нехотя.

Парень тотчас расхохотался:

– Это я знаю, это «да» означает! Значит, француженка... А посложнее что-нибудь можете сказать?

Я пожала плечами, приходя к мысли, что у меня, кажется, получается поддерживать беседу на русском. Ольга Александровна, несомненно, была бы довольна. А вот мне самой уже начала надоедать роль неведомой заморской зверушки.

– La betise est de deux sortes: le silencieuse et bavarde[2 - Глупость бывает двух родов: молчаливая и болтливая (О. Бальзак).], – произнесла я с улыбкой, выполняя его просьбу.

Мужчина начал было повторять, коверкая французский, а я подумала, что если он переведет и эту фразу, то получится, пожалуй, некрасиво, так что я быстро сделала легкий книксен и попрощалась.

- Удачного дня, месье.

По дорожке, ведущей к дому, кто-то прогуливался, а мне не очень-то хотелось снова вести беседы на русском, так что направилась я в противоположную сторону - в глубь парка.

То и дело здесь встречались скамьи, на которых, должно быть, одно удовольствие сидеть в летнюю жару и беседовать с другом. Деревья чем дальше, тем становились выше, что только подтверждало слова мадам Эйвазовой о том, что парку, как и дому, почти сто лет. Однако, несмотря на внешнюю его опрятность, мне было в этом парке отчего-то тревожно. Вскоре я поняла, в чем дело - слишком тихо. Ни людских голосов, ни шелеста листвы, ни даже щебета птиц... странно.

Парковая дорожка упиралась в белокаменный фонтан с мраморной нимфой посередине. В фонтане уютно журчала вода, а на дне я, к удивлению своему, рассмотрела с десятков золотых рыбок, отражающих своей чешуей солнечный свет.

Я села на бортик и опустила руку в холодную воду. Невольно улыбнулась: это действительно прекрасное место. Я решила, что позже непременно приду сюда с книгой. И конечно же, нужно показать эту красоту Натали - быть может, она играла здесь в детстве, но с тех пор прошло столько лет, что она наверняка все позабыла.

Снова поднявшись, я обошла фонтан по кругу и увидела, что усыпанная гранитной крошкой дорога тянется и дальше, хотя сразу за фонтаном ее преграждали тяжелые чугунные ворота. Запертые, как обнаружила я приблизившись. Сквозь витую решетку можно было разглядеть, что дорожка за воротами уже не такая чистая, как до них, да и деревья неубранные. Должно быть, владения Максима Петровича кончаются как раз у этих ворот.

Побродив возле фонтана еще немного, я решила, что, пожалуй, голодна, да и завтракать, должно быть, скоро позовут. И направилась в дом.

* * *

Завтрак подали в столовой – не очень большой, но светлой и уютной. У противоположной от входа стены располагался камин, облицованный мрамором, над ним – пейзажи и натюрморты. В некоторых из них я, к удивлению своему, узнала кисти Шишкина и Айвазовского, были и совершенно незнакомые мне работы, но выполненные с большим мастерством. Все это было подобрано с умом и чувством стиля – вероятно, тот, кто обустраивал эту столовую, любит и понимает живопись. Я не без уважения посмотрела на Лизавету Тихоновну, молчаливо помешивающую чай. Сегодня на ней было не черное траурное платье, а голубое, делающее ее куда менее строгой.

Из столовой вели несколько дверей – одна из них, должно быть, на кухню, а две другие, полностью остекленные, так же, как и большие окна, выходили на милую веранду со скамейками и кадками с цветами. Впрочем, эти двери сейчас были закрыты, а изрядную часть самой столовой занимал патриархальный вытянутый стол, покрытый ажурной скатертью.

Место во главе стола почтительно пустовало – видимо, оно принадлежало Максиму Петровичу, хозяину усадьбы, который к завтраку, разумеется, выйти не мог. По правую руку от него сидел Василий Максимович, далее Натали и я. Лизавета Тихоновна, как хозяйка дома, занимала место напротив стула Максима Петровича. Справа от нее восседал молодой мужчина, с которым я столкнулась утром в неподобающем виде. Это был Евгений Иванович Ильицкий, кузен Натали и сын той самой Людмилы Петровны, которую Натали боялась не меньше мачехи.

Людмила Петровна, сидевшая по левую руку от хозяина дома, и правда видела неласковый: высокая, полная, даже, пожалуй, тучная женщина в черном траурном платье и черном же чепце, покрывающем светлые волосы. Брови ее были вечно нахмурены, а острый взгляд маленьких глазок, казалось, не смотрел, а царапал своего визави. Она говорила за столом больше всех, причем тоном, не терпящим возражений.

– Вы опять не велели подать овсянку, Лиза? – первым делом, едва присев за стол, спросила она, обращаясь к мадам Эйвазовой так, будто та была в лучшем случае экономкой. – Доктор Берг постоянно мне говорит, что овсянка исключительно полезна, а в вашей любимой яичнице с ветчиной один сплошной

cholesterol![3 - Холестерин (фр.)]

Положив в рот еще один кусок ужасно бесполезной ветчины, она демонстративно, с выражением безразличия на лице отодвинула тарелку и потребовала нести себе чаю.

– Овсянку в этом доме никто не любит, Людмила Петровна, – не глядя на нее, отозвалась мадам Эйвазова едва слышно. – Осмелюсь напомнить, что даже вы ее никогда не ели, несмотря на рекомендации доктора Берга.

– Вы не смейте меня подлавливать, Лиза! Возрастом еще не вышли! – Людмила Петровна разволновалась, заговорила громче, и лицо ее начало покрываться красными пятнами.

– Маман, оставьте Лизу в покое, вам вредно волноваться, – без особого энтузиазма произнес кузен Натали, не отрываясь от тарелки.

По-видимому, подобные сцены в этом доме не были редкостью, и только нам с подругой было неловко при них присутствовать.

– Да-да, сынок, – отозвалась Людмила Петровна, – мне нельзя волноваться, а Лиза совершенно не жалеет моих нервов! И Максима Петровича не жалеет – из-за этой проклятущей яичницы он с сердцем и мается! – Она отодвинула тарелку еще дальше. – Вы просто закупали не тот сорт овсянки – закупали бы тот, ее бы вмиг все полюбили!

– По моему мнению, овсянка – это скользкая и отвратительная жижа, какого бы сорта она ни была, – снова заговорил Евгений Ильицкий. – Были годы, когда я наелся ею, кажется, на две жизни вперед, потому искренне благодарен Лизе, что в этом доме овсянку не подают.

Мадам Эйвазова ему благодарно улыбнулась, а Людмила Петровна, тех улыбок не замечая, только вздохнула тяжело:

– Ох, любишь ты, Женечка, все жирное да бесполезное. Давай я тебе, сыночек, сахарку в чай положу...

И с упоением принялась накладывать кубики рафинада.

В этот момент я не удержалась и подняла взгляд от тарелки: очень уж мне любопытна была реакция Женечки, чей возраст стремительно подбирался к тридцати, а рост давно превысил маменькин. Ильицкий был довольно хорош собою: широкоплечий стройный брюнет с черными глазами и тонким, с небольшой горбинкой, носом. Пожалуй, многие девушки с удовольствием бы им увлеклись, но, право, глядя, как тридцатилетний Женечка покорно принимает от маменьки сахарок, я уже не могла воспринимать его как мужчину, а только сдерживалась изо всех сил, чтобы ни один мускул на лице моем не дрогнул.

Кажется, Ильицкий все-таки догадался о тщательно скрываемых моих чувствах, но мне было уже все равно. А вот Натали не выдержала, наблюдая ту же сцену, и издала очень неприличный смешок, за что я тут же наградила ее осуждающим взглядом.

На какое-то время за столом повисла тишина, а потом заговорила вдруг моя подруга – самым невинным голосом:

– А я очень люблю овсянку. Лизавета Тихоновна, вы будете столь любезны обеспечить ее на завтрак для вашей падчерицы?

И тоже отодвинула тарелку.

Однако. Моя подруга на удивление легко вписалась в свою семью: я тут же послала Натали еще один строгий взгляд, потому как вела она себя неподобающе, и та, устыдившись, опустила глаза.

– Для моей падчерицы все, что угодно, Наташа, – выдавила улыбку Эйвазова.

Впрочем, судьба все же наказала Натали от лица тетушки.

– Совершенно верно, Наташенька, – не унималась Людмила Петровна, – тебе определенно не стоит любить жирное. Я хорошо помню твою матушку, царствие ей небесное, очень склонная к полноте была женщина. До свадьбы-то тоже тоненькая была, как тростиночка, а после родов – ох уж ее разнесло-то!.. Тебя, деточка, то же самое ждет.

Натали густо покраснела и даже отложила ломтик булки, что щипала, отказавшись от завтрака.

Досталось от любезной Людмилы Петровны тем утром и мне.

– Что-то вы бледны очень, Лидия Гавриловна, никак больны чем? – спросила она, громко прихлебывая чай.

Я отметила, что ко всем за столом Людмила Петровна обращалась по имени, а ко мне – по имени-отчеству, как будто шестым чувством догадываясь, что именно этот вариант своего имени я больше всего не люблю.

– Нет, я здорова, – отозвалась я по-русски. Я себе пообещала, что здесь, в деревне, буду говорить на родном языке как можно меньше. – К сожалению, в Петербурге совсем нет солнца.

Людмила Петровна меня ровно не слышала:

– А то давайте я приглашу к вам своего доктора. Он хоть и жид, но дело свое знает, иначе бы я его к себе близко не подпустила.

– Благодарю, но я здорова, – лучезарно улыбнулась я.

Людмила Петровна покивала, все равно меня не слыша.

– Замуж вам надо – мигом вся хворь пройдет, – выдала вдруг она с очаровательной русской непосредственностью. – У нас вот Василий как раз холостым ходит. А уж пора бы.

Натали ахнула, Вася, кажется, покраснел, а лица остальных вытянулись – должно быть, даже в этой семье такое предложение выглядело бестактным. Да и мне, признаться, сделалось не по себе – сперва я и вовсе подумала, что ослышалась.

Больших усилий мне стоило удержать на губах вежливую улыбку и отвечать как можно сдержанней:

– Я обещаю вам, Людмила Петровна, что если Василий Максимович изъявит подобное желание, то я непременно подумаю.

К моему облегчению, лица за столом расслабились – кажется, я не усугубила неловкость. А Вася вновь обрел способность говорить:

– Лидия Гавриловна, разумеется, это только шутка: Людмила Петровна вообще большая шутница.

Я перевела взгляд на Людмилу Петровну, глядящую на него исподлобья, и тотчас уткнулась в свою тарелку.

Господи, куда я попала...

С трудом дождавшись окончания завтрака, я поспешила покинуть столовую. Но, нагнав у парадной лестницы, меня вдруг окликнул Вася.

– Лидия Гавриловна... – он замешкался и опустил глаза, – отец просил вас зайти к нему. Хочет поздороваться.

– Ему лучше? – воодушевилась я.

– Да-да, Лидушка, папеньке намного лучше!

Услышав наш разговор, из столовой выбежала Натали и, повиснув на плече брата, говорила громко и развязно. Ох, боюсь, когда мы вернемся в Смольный, Ольге Александровне придется заново учить мою подругу манерам.

– Спасибо, месье Эйвазов, я непременно загляну к нему, – пообещала я.

– Васенька, – продолжала Натали, обращаясь к брату, – я так плохо спала нынче, ты не знаешь, откуда в доме ребенок? Он плакал всю ночь не переставая!

От меня не укрылось, как Вася смутился и снова покраснел – с чего бы?

– Это... это ребенок Даши, нашей горничной. У него зубки режутся, должно быть, – и быстро сменил тему: – Лидия Гавриловна, отец очень просил вас зайти как можно скорее.

Потом поклонился – снова неловко – и ушел.

Я задумчиво посмотрела ему вслед, потом решительно отвернулась, твердя себе, что это не мое дело. Натали я пообещала, что поднимусь к ее отцу прямо сейчас.

Глава третья

Спальня Максима Петровича утопала в полутьме. Окна были закрыты наглухо, слабый свет давали только несколько тускло чадящих свечей у изголовья кровати. Пахло застоявшимся воздухом, плавленным воском и, кажется, какими-то травами.

– Лизонька, ты? – хрипло спросил Эйвазов и попытался приподняться.

– Нет, это Лиди, подруга Натали, – ответила я по-русски, медленно и с трудом подбирая слова.

– Ах, Лидия, здравствуйте-здравствуйте. Подойдите ближе, я хочу посмотреть на вас.

Я покорно подошла к кровати, хотя и несколько робела. Я не любила, когда меня рассматривали вот так и, разумеется, делали какие-то выводы, исходя только из моей внешности. Про себя я знала, что особенной красотой не отличаюсь: среднего роста, достаточно стройна, с легкой походкой и ровной осанкой. Волосы у меня темные и густые, которые я обычно собирала в строгий узел на затылке. Черты лица самые обыкновенные, ничем не примечательные. Четко очерченные брови и синие холодные глаза. Да, мне часто говорят, что глаза у меня очень красивы, но, право, я достаточно пожила, чтобы знать: когда во внешности девушки не видят ничего примечательного, то хвалят глаза.

– Вы очень красивая молодая барышня, – сказал Максим Петрович и жестом пригласил меня сесть в кресло подле него, а потом добавил: – Настоящая русская красавица.

Мне стоило усилий, чтобы не показать, как слова «русская красавица» меня задели. Неужели месье Эйвазов не знает, что я француженка?

Но, опустившись на краешек кресла, я ответила ему лишь сдержанной улыбкой: не в том состоянии нынче Максим Петрович, чтобы пускаться в споры и нудные объяснения.

С медициной я, конечно, знакома мало, но все же кое-какие выводы о его здоровье сделать смогла. Некоторое время назад Натали вбила себе в голову, что хочет стать сестрой милосердия и будет по воскресеньям помогать в госпитале. Разумеется, подбила на эту авантюру и меня. Сперва Ольга Александровна была в шоке от ее затеи, как, впрочем, и большинство наших подруг, а две девочки из соседнего дортуара даже демонстративно перестали с нами разговаривать. Но Ольга Александровна все же уступила, взяв с меня слово, что я ни на шаг не отпущу Натали от себя. Сама Натали, правда, в скором времени поубавила пыл: слишком тяжелой была эта работа. Мне же «повезло» обладать выносливостью и стойкостью, так что я посещала госпиталь по воскресеньям вплоть до наших с Натали vacances[4 - Каникулы (фр.)].

Так что сейчас, глядя на иссушенное, с запавшими глазами лицо Максима Петровича, я не разделяла радости Натали – жизнь едва теплилась в нем. Увы, осталось недолго...

– У вас очень сильный акцент, верно, вы недавно приехали? – спросил Максим Петрович, все же пытаясь сесть в постели. А я поспешила поправить подушки, чтобы ему было удобнее.

– Нет, месье, – улыбнулась я, – я француженка по рождению, но в России живу уже девять лет.

– И что же – за это время не овладели русским? – Он изумился и хмыкнул: – Верно, в Смольном только и делают, что дрессируют девиц говорить по-французски.

Я снова выдавила скупую улыбку и отвела глаза.

Сказать по правде, в Смольном русская словесность была и остается одним из основных предметов. Мы изучали ее еще в младших классах, но мне отчего-то этот язык никогда не давался: слишком грубый, в отличие от изящного французского, и просто до невозможности сложный! Я до сих пор не могу взять в толк, для чего русским столько падежей и такое невообразимое количество суффиксов? Право, их язык такой же непонятный, как и они сами.

А еще я боялась изучать русскую словесность в достаточной мере. Мне казалось всегда, что если я начну отдавать предпочтение какому-то другому языку, кроме французского, то предам свою родину. А родиной моей была и остается Франция, что бы там ни говорили Ольга Александровна или Платон Алексеевич.

– И как вам нравится в России, Лидия? – услышала я вопрос Максима Петровича.

Я пожала плечами:

– Здесь замечательные люди. Только немного странные... я не всегда понимаю их. И дело не только в языке. У вас странное... как это по-русски? Ideologie[5 - Мировоззрение (фр.)]. Вам ничем не угодишь. Покойный царь Александр Николаевич был замечательным человеком... я знаю точно, потому что Смольный принимал его в тысяча восемьсот семьдесят девятом году, мне тогда было тринадцать. Я помню, какой это был красивый, умный и благородный человек. В конце концов, он совершил столько блага для русского народа – реформы, которые по новаторству своему могут сравниться разве что с реформами Петра Первого! Говорят, что он даже задумал проект конституции, который новый царь, конечно же, ни за что теперь не реализует. И чем же русский народ отплатил ему? Этим варварством, совершенным первого марта тысяча восемьсот восемьдесят первого года?! Это непоследовательно, глупо и... подло.

Наверное, я слишком разоткровенничалась – Максим Петрович немигающим взглядом смотрел мне в глаза и ухмылялся уголком рта. Когда я замолчала, чтобы перевести дыхание, он отвел взгляд, хмыкнул и произнес немного свысока:

– Вы не передергивайте, Лидия. Крестьяне – русский народ – только посмеиваются над этими барышнями да мальчонками с книжками, которые

ходят к ним, отрывают от работы и толкуют про высокие материи и непонятную свободу. Не народ убил императора, а эти выходцы из «Народной воли» или как их там... Которые, кстати, сплошь дворяне по рождению. И их даже можно понять: готовили-то их с детства для совершенно другой жизни, а на выходе из гимназий оказалось, что маменьки да папеньки разорились и содержать их впредь некому. Хочешь достойно жить – иди работать. А работать-то они не умеют: лишь теории строят да критикуют власть. Зато в них полно злости на того самого царя, который своими «новаторскими реформами» разрушил их планы на счастливую беззаботную жизнь. Несчастные люди.

– Вы что же, жалеете этих revolutionnaires?[б - Революционеры (фр.).] Вы, может быть, не против, чтобы они пришли к власти?!

Признаться, я была изумлена: подобные мысли иной раз приходилось слышать от молодежи, но чтобы человек в возрасте Максима Петровича поддавался этим неразумным идеям...

А тот неожиданно рассмеялся – правда, смех тут же перешел в надрывный кашель, и мне пришлось вставать за водой.

– Вы смотрите на меня сейчас, Лидия, как агент сыскной полиции, ей-богу!.. – продолжил Максим Петрович, успокоив кашель. – Эти, как вы выразились, revolutionnaires никогда не придут к власти. Потому что они, теоретики и террористы, умеют только уничтожать. Они сметут когда-нибудь привычный нам уклад жизни, Лидия, можете даже не сомневаться. А кто на этих обломках сумеет взять власть в свои руки – один Бог ведает. Я-то до этого не доживу, но мне горько, что вы и Наташа увидите это воочию.

На некоторое время в комнате повисло молчание. Мне отчаянно не хотелось верить в пророчество Максима Петровича: я покинула Францию в тысяча восемьсот семьдесят четвертом, а все мое детство прошло в условиях Третьей Французской республики – страшное революционное время. Я не чувствовала себя русской, но мне не хотелось бы, чтобы Российская империя пережила нечто похожее на судьбу моей несчастной Франции.

– Что это мы с вами о политике все, – снова рассмеялся Максим Петрович, видимо, уловив мою меланхолию. – Расскажите лучше о себе. Наташенька мне о вас все уши прожужжала. Вы имеете большое влияние на мою единственную

дочь, так что я хочу знать о вас как можно больше.

Максим Петрович говорил в тоне, не терпящем возражений, но почему-то в отличие от его сестры мне с ним разговаривать было приятно и легко. Я и сама не заметила, как рассказала ему все то, чего не говорила еще никому. Даже сама пыталась это забыть – слишком больно.

...Свое детство я помню отчетливо, словно сценки из него происходили вчера. Я держусь за эти воспоминания, потому что это все, что у меня осталось.

Я родилась в последних числах октября тысяча восемьсот шестьдесят пятого в Париже. В годы, когда Вторая империя[7 - Период в истории Франции с 1852 по 1870 г. 2 декабря 1852 г. в результате плебисцита была установлена конституционная монархия во главе с племянником Наполеона I Луи Наполеоном Бонапартом, принявшим имя Наполеона III.] переживала худшие свои времена. Моя мама, Софи Клермон, урожденная, как твердят все вокруг, Софья Тальянова, с пеленок пыталась учить меня русскому языку. По словам Платона Алексеевича и Ольги Александровны, это неопровержимое доказательство ее истинного происхождения. А мне же в этом видится лишь намек на то, что мама пыталась подстраховаться на тот случай, если нам пришлось бы покинуть Францию. Вторая империя, как я уже говорила, была крайне ослаблена в те годы, зато Российская продолжала оставаться сильным и стабильным государством, с которым не может не считаться мир и где всегда можно найти приют в случае чего. Хотя не исключаю, что у мамы могли быть и другие причины обучать меня русскому языку и традициям.

Впрочем, этот сложнейший язык мне так и не дался.

Батюшка, Габриэль Клермон, работал в департаменте транспорта, и по долгу службы ему приходилось много разъезжать. Соответственно, и нам с мамой тоже. Родители очень любили друг друга, в этой атмосфере любви, взаимного уважения и искренности я росла. Оттого тяжелее мне было все потерять.

Быть может, именно потому я в свои восемнадцать все еще ни в кого не влюблена, что ищу мужчину, который так же будет смотреть на меня, как отец смотрел на маму. Пока что ни одного такого мне не встречалось. Это при том, что большинство моих подруг тайком влюблены – кто в своих кузенов, кто в друзей детства, кто и вовсе в тех редких мужчин, которых нам, институткам,

удается увидеть. Даже Натали. Сперва она романтизировала образ одного своего детского друга, князя Миши, как она его звала; потом была влюблена в учителя истории, но, право, он так статен и хорош собою, что в него влюблена добрая половина моих подруг и даже молодых учительниц. Потом был брат Китти Явлонской, что навещал нас на Рождество. Если я ничего не упустила, то он занимал мысли Натали и по сей день...

Разумеется, эти влюбленности были детскими увлечениями, выразившимися лишь в писании романтических стихов да невинных перешептываниях с подругами. Ничего предосудительного я в этом не видела, хотя не рассказала бы о них папеньке Натали даже под пытками.

* * *

Тот страшный вечер, когда отцу принесли письмо, я помню до сих пор в мельчайших деталях.

– Что теперь будет?! Надобно ехать немедленно! – Мама сжимала виски и металась по комнате.

Я в это время должна была спать, но, разбуженная приходом посыльного, стояла у приоткрытой двери в гостиную и слушала. Мне было девять.

– Собирай в дорогу Лиди, мы уезжаем, – сказал отец, и я, поняв, что сейчас за мной придут, опрометью бросилась в детскую. Залезла под одеяло и сделала вид, что давно сплю.

Маменька, одевая меня, не скрывала волнения. Мы взяли только самые необходимые вещи, почти налегке бежали несколько кварталов пешком, не беря коляски. Мне было холодно, страшно, и я ужасно устала, едва поспевая за взрослыми. Но не хныкала, понимая, что случилось нечто очень серьезное.

Лишь через полчаса быстрой ходьбы отец остановил экипаж. Потом, через несколько кварталов, мы вышли и сели в другой. И сменили таким образом еще три или четыре коляски.

В последней мы пробыли очень долго: я уснула, положив голову на мамины колени и чувствуя ее ласковые руки на своих волосах. Помню, уже рассвело, когда меня все-таки разбудили – спешно и на этот раз неласково. В ту ночь резко похолодало, и мама меня, еще сонную, наскоро укутывала в пуховую шаль. У ворота сцепила ее края собственной брошью с большим круглым янтарем. А я смотрела, как снег за окном экипажа крупными белыми хлопьями валит на мостовую, и слушала твердый, решительный шепот отца:

– Нет, Софи! Ты поедешь с ней – мы не можем так рисковать!

– Ни за что не брошу тебя! – столь же твердо ответила мама.

Я смотрела на снег, и мне было необыкновенно страшно. Как оказалось, это не дурной сон и ничего не кончилось.

– Мама... – позвала я.

– Я здесь, моя хорошая, – отвлеклась она от беседы с отцом и, запрокинув мою голову, поцеловала в лоб.

– Идите, идите скорее! – заторопил нас отец и буквально вытолкнул наружу.

Я помню, как он дотронулся на прощание до моего лица, и помню, сколько тоски было тогда в его глазах.

Потом мы с мамой, держась за руки, бежали по запорошенной снегом мостовой к другой коляске. Едва забрались внутрь, она тронулась.

– Это мадемуазель Трюшон, – сдержанно представила мне мама молодую и очень некрасивую женщину. – Она позаботится о тебе, дорогая.

Мама беззвучно плакала – она то льнула ко мне, то оглядывалась через стекло на уезжающий в противоположном направлении экипаж, где остался папа. Я крепко держала ее за руки, потому что понимала, что она хочет сделать. Понимала и вся дрожала от неизвестности и страха.

Наконец она не выдержала.

- Нет! - закричала мама кучеру. - Стойте, я хочу сойти!

Кучер не останавливался, но мама, открыв дверцу, на ходу выпрыгнула из кареты. Путаясь в юбках и падая, она подымалась и вновь бежала за отцом. Та, другая коляска, все же остановилась, папа выскочил и заключил маму в объятия.

Мои родители, крепко обнимающие друг друга на запорошенной снегом дороге близ Парижа, - это последнее, что я помню о них. Точнее, последнее, что должна бы помнить.

Я тоже желала спрыгнуть и побежать к ним, но мадемуазель Трюшон крепко держала меня, не давая этого сделать, называла деточкой и лгала, что все будет хорошо.

Мы приехали в какой-то дом, где я плакала и билась в истерике. Пришел человек с медицинским чемоданчиком и хотел сделать мне укол - но дергалась я столь отчаянно, что у него ничего не вышло. Тогда он развел в стакане пару каких-то таблеток и велел выпить: мадемуазель Трюшон больно зажимала мне нос и не давала дышать, покуда я не проглотила. Потом я забылась тяжелым муторным сном.

Не помню, сколько дней я провела в комнате с вечно запертыми дверями, черными сухими деревьями за окном и дорогими игрушками, к которым я не прикасалась. Мне казалось, что я находилась в этой комнате целую вечность, что успела в ней повзрослеть и состариться. Я до сих пор в малейших деталях помню обстановку той комнаты, и иногда она снится мне в кошмарах.

Первое время меня навещала только мадемуазель Трюшон, которая неожиданно заговорила по-русски. Она въедливо смотрела мне в глаза, цепко держала мой подбородок в своих пальцах и заставляла рассказывать, кто навещал отца в последние дни перед этим кошмаром. Я же отвечала только:

- Je ne vous comprends pas! Je ne connais pas cette langue![8 - Я вас не понимаю! Я не знаю этот язык! (фр.)]

Она ужасно злилась, становилась еще некрасивее и начинала спрашивать по-французски - тогда я рассказывала ей, что помнила.

Потом вместе с мадемуазель Трюшон меня начал навещать мужчина с аккуратно остриженной бородкой, который говорил со мною только по-французски, хотел казаться ласковым и предупредительным. Думая, что я не слышу, он перебрался с m-lle Трюшон фразами на русском, в котором не было и намека на французский акцент. Из этих фраз я поняла, что я бесполезна, крайне их обременяю и они не знают, что делать со мной.

Этот мужчина тоже задавал вопросы, даже больше, чем мадемуазель Трюшон. И еще он показывал мне портреты мужчин и женщин, выполненные в карандаше. Спрашивал, узнаю ли я кого-то.

Спустя время меня все же выпустили из этой адской комнаты и повезли по дорогам Франции в безликой казенной карете, пока не остановились у маленькой придорожной гостиницы. Мы с родителями часто останавливались в таких.

Но эта была иная. Она была огорожена военными, туда-сюда сновали люди, и никто не обращал внимания на маленькую девочку, покинувшую коляску, в которой ее сюда привезли, и беспрепятственно вошедшую в гостиницу. Все были очень заняты своими делами, суетились, и ничто не помешало мне подняться по лестнице, подойти к дверям номера, где скопилось больше всего людей, и заглянуть внутрь.

Все, что я увидела, – подол темно-фиолетовой юбки лежащей на полу женщины. Это была юбка моей мамы, я сама помогала пришивать кружева к ней.

– Откуда здесь ребенок?! Уберите девочку! – вскричал кто-то, прежде чем я успела сделать еще один шаг.

В тот же момент меня подхватил на руки мужчина в штатском, прижал мою голову к своему плечу и почти бегом вынес на улицу. Этим мужчиной, как я узнала позже, был Платон Алексеевич. Я не плакала с тех пор и не спрашивала ни у кого, что случилось. Но и не ждала больше никогда, что родители приедут ко мне или хотя бы напишут.

* * *

– Бедное дитя. – Максим Петрович погладил мою руку сухой старческой ладонью. – Платон Алексеевич... знакомое имя. Уж не о графе ли Шувалове вы говорите?

– Я не знаю, он никогда не называл свою фамилию. – Я все еще была мыслями там, в своем детстве, поэтому не сразу поняла суть вопроса месье Эйвазова.

А когда поняла, вскинула глаза на Максима Петровича: взгляд его сейчас не был похожим на взгляд умирающего больного старика. Он был настороженным, с хищным прищуром и очень жестким. Будто Максим Петрович ждал от меня какой-то опасности.

– Вот оно как... – Он опомнился и быстро отвел глаза. – Что-то устал я, позовите Лизоньку, будьте добры.

Я поднялась с робкой надеждой, что этот человек знает о моем попечителе что-то такое, чего не знаю я. И, так и не решив для себя, стоит ли спрашивать, вышла за дверь.

Простившись с Максимом Петровичем, я передала первой же попавшейся горничной его пожелание видеть жену и спешно направилась в комнату Натали – мне необходимо было сейчас поговорить с самым близким моим человеком и отвлечься от дурных мыслей. Однако подругу я нашла только в мужском крыле дома, ее голос доносился из спальни, принадлежавшей Василию Максимовичу. Дверь была распахнута, а внутри я увидела Васю, Натали и горничную Дашу, которые дружно склонились над младенцем и с улыбками на лицах что-то обсуждали.

– Лиди! – вскрикнула, увидев меня, подруга. – Поди к нам скорее!

Глаза ее светились счастьем – ни много ни мало. Я ее восторга, увы, не разделяла.

– Я зашла сказать, что собираюсь прогуляться по окрестностям. Ты не хочешь составить мне компанию? – спросила я, все же надеясь, что Натали догадается, что очень нужна мне сейчас.

– Нет-нет, милая, – она уже и не глядела на меня, снова отвернувшись к ребенку, – погуляй одна, а я, быть может, пройду с тобою вечером.

В этот момент я впервые пожалела, что приехала сюда. Натали зря переживала, она отлично вписалась в свою семью. А вот что здесь делаю я – совершенно непонятно. Я кивнула ей в ответ и отошла от двери.

Уже когда я подходила к воротам усадьбы, меня окликнули – это оказался Вася.

– Лидия Гавриловна! – запыхавшись, догнал он меня. – Дозвольте мне проводить вас, мне тоже вздумалось прогуляться. Вы не против?

Я сдержанно улынулась, сторонясь так, чтобы на узкой тропинке смог идти и он, но не удержалась и сказала:

– С удовольствием дозволю, Василий Максимович, но только при условии, что вы станете звать меня впредь просто Лиди. Как я и представилась вам в день нашего знакомства.

Он сконфузился, ниже наклоняя голову, и поспешил оправдаться:

– Не подумайте, бога ради, что я специально – вы заметили, должно быть, что я крайне неловко веду себя с новыми знакомыми.

Право, не заметить это было сложно, я улынулась, но ничего не сказала.

Какое-то время мы шли молча, и я разглядывала окрестности. Под ногами была едва намечена извилистая тропинка с желтеющими в ней одуванчиками. Левее стелилась чуть более широкая проселочная дорога, за которой вдалеке чернело распаханное поле; справа же высились сосны, распаренные под майским солнцем и источающие острый аромат хвои...

– Лиди, позвольте мне объяснить, чтобы впредь между нами не было недомолвок, – заговорил, выдергивая меня из собственных мыслей, Вася. – По поводу той неприятной сцены за завтраком... когда моя тетушка прочила меня к вам в женихи. Я хочу, чтобы вы знали: ребенок Даши – это и мой ребенок.

Признаться, это не стало для меня большой новостью: после сцены с младенцем в его спальне трудно было найти другое объяснение.

– Разумеется, наши отношения раздражают всех в доме, – продолжал Вася, ужасно смущаясь, – а больше всего мою тетку и отца. С самого рождения Митеньки мы с отцом ссоримся беспрестанно, он крайне мною недоволен... Лишь его болезнь несколько нас примирила, и то потому только, что у него больше нет сил на меня гневаться. Я знаю, отец хотел для меня другой судьбы, но, увы, у меня нет ни его деловой хватки, ни харизмы моего кузена...

– Василий Максимович, – прервала его я, – не понимаю, для чего вы мне это рассказываете? Уж не думаете ли вы, что я питаю в отношении вас какие-то надежды?

Мне действительно было крайне неловко все это слушать, я бы с удовольствием переменяла тему. Заметив мое волнение, Вася опомнился:

– Разумеется, нет! Лидия Гавриловна, то есть Лиди... простите меня, если я вас чем-то обидел, у меня и в мыслях не было... – Он окончательно запутался и сник. – Вы, наверное, крайне удивлены, что у такой великолепной и образованной барышни, как Наташа, такой неотесанный братец?

Это уже был прямой вопрос – следовало что-то отвечать.

– Я даже не знаю значения слова «неотесанный»! – только и отозвалась я с улыбкой.

Вася улыбнулся в ответ, но пояснять не стал. Вместо этого сказал:

– Объяснение тому очень простое: матушка Наташи была дворянского происхождения, а я сын от предыдущего брака отца.

– Вот как? – вырвалось у меня. – Натали никогда не говорила, что у вас разные матери.

– Наташа не придает этому значения, но, увы, это так. Моя матушка была очень простой девушкой из самой обыкновенной семьи, разве что не из крестьян.

Однако после ее смерти отец тосковал, он вовсе не желал больше жениться, а все силы отдавал тому, чтобы сколотить состояние. У него это вышло, как видите, – усмехнулся Вася. – Разумеется, местные сводни не могли оставить в покое такого богатого и довольно молодого еще мужчину – тогда-то за него и просватали матушку Наташи, девушку из разорившегося дворянского рода. Я помню, что отец очень нежен был с нею, обещал, что она ни в чем не будет знать нужды. Именно тогда он и купил на торгах эту усадьбу, а родившуюся мою сестренку и вовсе боготворил. Наташа росла замечательным ребенком – такая озорная, ласковая, непосредственная...

Вася заулыбался, гордясь сестрой.

– Матушка Наташи тоже была очень доброй и ласковой. Меня она почитала родным сыном, а я, разумеется, отвечал ей тем же. Но она, к сожалению, никогда не отличалась крепким здоровьем и, когда Наташе было лет шесть, умерла после тяжелой простуды. Отец снова стал сам не свой, снова начал пропадать на заводе. Мы с Наташей, бывало, по полгода его не видели. А потом, как гром среди ясного неба, он женился... на этой Лизе. Даже непонятно, где он ее нашел – девица без роду, без племени. Будто околдовала она его! Я знаю, она умеет казаться милой, когда это ей нужно. Она и вас, должно быть, уже успела очаровать, раз вы молчите...

– Лизавета Тихоновна мне показалась очень любезной женщиной, – осторожно ответила я.

– Вот-вот! Мне она тоже такой сперва показалась. А теперь я только об одном молюсь, как бы она не сгубила отца.

При этих словах я вскинула вопросительный взгляд на Васю – тот хмурился и смотрел перед собой.

Мы снова шли молча, только теперь я уже не могла любоваться окрестностями – слишком серьезным было то, что сказал Василий Максимович.

– Куда мы идем? – спросила я не в силах молчать.

Вася поднял на меня взгляд, как будто удивившись такому вопросу:

– В деревню, конечно. Эта дорога ведет только в Малую Масловку, я думал, вы знаете. А ежели тотчас свернуть и пойти полем, – со знанием дела начал объяснять он, – то выйдем на дорогу к Большой Масловке – большое село, ярмарки то и дело устраивают.

– Наверное, не стоило забредать так далеко от дома... – Я даже остановилась и с тревогой оглянулась назад.

– Если вы хотите, мы немедленно вернемся, но, право, я думаю, вам понравится в деревне. Пойдемте, вы не пожалеете!

Вася говорил с таким энтузиазмом, что заразил интересом и меня. Я еще раз оглянулась и все же поддалась на уговоры: мои подруги из Смольного наверняка ведь станут спрашивать, как мне понравилась русская деревня, а я даже не смогу ничего ответить, если вернусь сейчас в усадьбу.

Лишь напоследок успела подумать, что о своей вылазке я наверняка пожалею...

Глава четвертая

Ну, что сказать, русская деревня оказалась вовсе не такой, как на картинах Суходольского, например. Хотя и у него она изображена довольно неприглядной, но в реальности все оказалось даже хуже. Серые покосившиеся домишки из плохо оструганных бревен, покрытые где соломой, а где и вовсе сухими ветками. Улицы как таковой не было, дома стояли в хаотичном порядке – какие-то окружены подобием забора, какие-то нет. Посреди, меж домами, разлита лужа, больше напоминающая небольшой пруд, в которой барахтались грязные и чахлые утки. Эту лужу по краю, стараясь не намочить босые ноги, обходила молодая женщина, кажется, беременная, и морщилась от бьющего в лицо солнца. Сильно завалившись на бок, в руке она несла ведро, полное воды.

– Малая Масловка-то небольшая деревня, – как будто извиняясь, пояснил Вася, – вот Большая побогаче будет. Здравствуй, красавица! – вдруг задорно окликнул Вася женщину с ведром.

Та увидела его, заулыбалась смущенно и поправила свободной рукой платок:

- Скажете тоже, барин, «красавица»...

Вася, по кочкам перепрыгивая лужу, подал руку ей, вконец смутившейся, и помог перейти.

- Куда путь держишь, милая? - снова спросил он.

- Так у колодца была, набрала воды вон, теперича домой иду. Мой-то в поле, надо обед ему сготовить да отнести...

- А, ну да, в поле ведь все, - расстроился Вася и потерял к беседе интерес. - Вечером сюда нужно идти, вечером здесь гораздо веселее. Ну, иди-иди, милая, - отпустил он женщину. Та, как была с ведром, низко, до земли, поклонилась и продолжила путь.

- Да, вечером нужно приходиться... - еще раз вздохнул Вася и вдруг замер прислушиваясь. - Никак балалайка где-то играет?

- Да, где-то играют... - согласилась я.

Я слышала, что балалайка - это такой диковинный музыкальный инструмент, исконно народный. Никогда прежде не видела ее и не слышала, потому мигом меня разобрало любопытство. Не задумываясь, подобрала юбку и поспешила за Васей меж крестьянскими домами.

Вскоре мы вышли на лесную опушку за деревней, где звуки были слышны гораздо отчетливей. Издали я разглядела трех парней, один из которых и играл на инструменте незатейливую и бодрую мелодию, а три девицы - совсем еще девочки, я бы сказала, - смеялись от души и глядели на четвертую, рыжую, которая звонко и лихо, будто артистка в театре, распевала под эту мелодию не менее бодрое:

Мой миленок как теленок,

Только разница одна:

Мой миленок пьет из кружки,

А теленок из ведра.

Взрыв хохота девиц, свист парней и всеобщее улюлюканье. По-видимому, это и есть то, что называется *chanson russe*[9 - Русская песня, частушка (фр.)]. Рыжая девчонка – совсем молоденькая, но уже статная и фигуристая, лихо отплясывала, уперев руки в бока, – она и впрямь была хороша, я даже залюбовалась.

Вася вместе со мной молча прослушал с десятков куплетов, после чего пошел к компании – шагая вальяжно, по-барски и размеренно хлопая в ладоши. Музыкант его заметил, резко прекратил играть, склонил голову. Да и прочие, обомлев, застыли с опущенными лицами. Только рыжей девчонке все нипочем: глядела на барина смело и, пожалуй, даже нахально.

– Опять ты, Настасья, в этой компании куролесишь! – покачал головою Вася, впрочем, едва ли он в самом деле сердился. – Почему не дома, почему матери не помогаешь?

– А вы, барин, мне не указывайте, вы мне не муж!

Девицы, ее подружки, прыснули со смеху и начали толкать девчонку в бок, а та не обращала внимания.

– Ох, и остра ты на язык, Настасья. Твои таланты бы да в мирное русло... – Вася повернулся к музыканту: – Что играть прекратил, Стенька? Неужто мешаю?

– Никак нет, барин! Мы вам завсегда рады! – разулыбался тот, снова начиная играть.

Через полминуты хохот, свист и пляски продолжились. По всему было видно, что Васю в этой компании хорошо знают. Я уж хотела было упрекнуть Васю (в мыслях, разумеется) за то, что, совратив уже эту несчастную горничную, он заигрывает еще и с молоденькими крестьянками – да только Вася не заигрывал. Ни с кем более не заговорив, он встал в сторонке и принялся набивать трубку, лишь ухмыляясь бойким частушкам Настасьи. Как будто ему просто доставляло удовольствие наблюдать за искренним весельем местной молодежи.

Да и мне было любопытно смотреть да слушать. Право, после того холода, что царил в доме Эйвазовых, здесь я буквально отогревалась душой. Так что Васю я даже понимала.

Я стояла, обняв рукой ствол березы, и куталась в шаль, пытаюсь осмыслить текст частушек. Увы, но иронию в текстах и даже общий смысл уловить мне удавалось лишь изредка – русский очень мудреный язык. Но все равно я не могла отвести глаз от этой девчонки и ее живого, подвижного танца – столько в нем было лихости и задора.

Сперва я глядела только на рыжую Настасью, но потом решила рассмотреть остальных. И даже ахнула, когда узнала в одном из парней утреннего своего знакомца – цыгана, что вел себя столь нахально в сиреневом саду.

Он смеялся громче всех, подхватил на руки одну из девчонок, которая тут же довольно завизжала, и кружил ее. Кажется, сей цыган пользовался популярностью у местных девушек, и я их вполне понимала. Высокий, широкоплечий, с черными блестящими глазами – а главное, во всей его фигуре, в каждом движении, в каждом звуке голоса и взгляде чувствуется огромная сила – не только физическая, но и внутренняя. Как будто он способен на все. А это, надо признать, завораживало.

Мне он показался эдакой мужской копией Настасьи, и я с улыбкой наблюдала за ним какое-то время. Покуда он меня не заметил. Тотчас отпустил девчонку и, широко улыбаясь, направился ко мне, словно мы старые друзья.

Скрестил на груди руки и прищурился, оценивая меня с головы до ног. А потом изрек:

– Красивая вы, барышня.

Право, на светское обхождение я и не рассчитывала, так что не удивилась и уж точно не оскорбилась. Ответ сорвался с языка сам собой:

– И вы весьма недурны.

Крестьяне притихли и зашушукались. Цыган хмыкнул вполне удовлетворенно, склонил голову к другому плечу:

- А отчего ж не пляшете, барышня?

- У меня при всем желании не выйдет столь же ловко, - честно ответила я.

- Глупости говорите, ну-ка...

И вдруг он схватил меня сразу за обе руки - да так резво, что шаль слетела с плеч. Потянул меня к танцующим, а я, только теперь испугавшись, отбивалась и пыталась вырваться. Право, не знаю, чем бы все закончилось, но к нам подскочил Вася, толкнув цыгана так, что тот попятился и едва не упал.

- Руки убери прочь, собака! - Я не думала, что в глазах у робкого Васи может быть столько ярости. Вот теперь я по-настоящему испугалась. - Сказано тебе было не подходить к барышням! Вылетишь отсюда так, что только свист слышен будет!

- Не вы меня на место взяли, не вам и гнать, - ухмыляясь, цыган оттирал ладонь, которой все же коснулся земли, и едко добавил: - барин!

- Он обидел вас, Лидия Гавриловна? - Вася уже не слушал его, а торопился поднять шаль, соскользнувшую на землю. - Обидел? Вы только скажите!

- Нет-нет, все хорошо, уверяю! Давайте просто уйдем?

- Да, конечно...

Напоследок он еще раз оглянулся на цыгана, но я сама взяла Васю под руку и поторопилась увести. Я ужасно боясь, что стычка получит продолжение.

Обратный путь прошел в молчании по большей части - тем более что уже вечерело, а нам обоим хотелось добраться засветло. Лишь у ворот Вася все-таки не выдержал и заговорил:

– Лидия Гавриловна... то есть Лиди... вы, наверное, ужасно злитесь, что я привел вас в деревню. Не стоило, я знаю.

Он опять избегал смотреть мне в глаза и выглядел неловким – совсем не таким как там, на опушке.

– Василий Максимович, я уверяю вас, что не злюсь. Более того, этот несчастный крестьянин меня даже не обидел...

– Несчастный?! – хмыкнул чему-то Вася.

– Вы говорите о нем так, будто давно знаете, – заметила я осторожно.

Вася ответил мне не очень охотно, но все же ответил:

– Это Гришка-цыган, наш конюх. Его здесь все знают. С детства, говорят, конокрадством промышлял, а потом осел здесь, в этих краях. В лошадях-то он, может, и разбирается, да только с каждого места его в конечном итоге прогоняли.

– Раз он так плох, то зачем же вы его к себе в конюхи взяли? – резонно поинтересовалась я.

Вася снова хмыкнул:

– Будь моя воля, Лиди, я б его за тысячу верст близко к усадьбе не подпустил! Но цыгана Лизавета Тихоновна все приваживает, хозяйка наша!

* * *

После ужина, когда я, переодевшись ко сну, сидела за бюро и писала письмо для Ольги Александровны, в мою дверь постучали.

– Лиди, это я, открой, дорогая... – услышала я жалобно-просящий голос подруги.

Пришлось отложить письмо и отпереть дверь.

- Ты думаешь, что я ужасный человек и очень плохо поступила сегодня утром, да?

Она стояла на пороге тоже одетая ко сну, с распущенными волосами и закутанная в длинную шаль. Говорила она по-французски, почти скороговоркой – будто боялась, что я вот-вот захлопну дверь перед ее носом. Натали глядела на меня снизу вверх полными раскаяния глазами. Ну как на нее сердиться?

- А ты сама как думаешь? – важно спросила я. – Достойно ты вела себя с Лизаветой Тихоновной? Что бы сказала Ольга Александровна, услышь она тебя?

Натали состроила плаксивую гримаску и мимо меня проплыла в комнату, с ногами забралась на кровать.

- Я знаю, что вела себя дурно. – Она низко наклонила голову и избегала смотреть мне в глаза. – Мне очень стыдно, и я уже десять раз отругала себя за несдержанность. Но я ничего не могла с собой поделать: всякий раз, когда я вижу свою мачеху, в меня как будто бес вселяется. Я просто не могу удержаться! Но согласись, что и она виновата!..

Я, уже закрыв дверь комнаты, села на край кровати и внимательно слушала Натали. Она и правда раскаивалась. Но я не могла не возразить:

- Я не припомню, чтобы твоя мачеха сказала и сделала хоть что-то плохое в твой адрес.

- Она отправила меня в Смольный! – Натали даже вскрикнула возмущенно. – Неужто этого не достаточно?!

- Во-первых, не стоит кричать, дорогая: все уже спят, – заметила я. – А во-вторых, ты говоришь так, будто она отправила тебя на каторгу, а не в лучшее женское учебное заведение в России.

Натали подумала секунду. Но потом опять нахмурилась и выдала неопровержимое:

- Все равно!

Я подседа ближе к ней, взяла ее руку и попыталась поймать взгляд:

– Натали, послушай, я понимаю, что у тебя предубеждение к этой женщине. Однако оно основано на обидах маленькой, капризной двенадцатилетней девочки. А теперь ты взрослая, умеющая владеть собой барышня – смолянка. Ты же знаешь, как должна относиться истинная смолянка к людям, которые ей не нравятся?

Натали, разумеется, знала, потому как Ольга Александровна изо дня в день нам поясняла, как должна вести себя смолянка и что она должна думать. И, что немаловажно, еще и показывала это на собственном примере: ни разу за девять лет обучения я не слышала, чтобы наша начальница повысила голос, высказалась о ком-то дурно или пренебрежительно.

И я, и Натали, и, наверное, каждая из смолянок стремились к тому, чтобы стать похожими на Ольгу Александровну.

– Вероятно, я должна найти в ней что-то хорошее, – неохотно признала Натали.

– Умница! – похвалила я. – И я уверена, в ней есть это хорошее – за что-то же ее полюбил твой отец.

Я поддержала Натали улыбкой, и та ответила мне тем же – кажется, у моей подруги даже настроение улучшилось после того, как она приняла решение помириться с мачехой.

– Лиди, перед тобой я тоже должна извиниться, – снова вернула жалобный взгляд Натали. – За то, что не пошла с тобой на прогулку. Вероятно, тебе очень хотелось поговорить, а я этого не поняла, потому что все мое внимание занял Митенька... – Лицо ее озарила улыбка. – Он такой славный малыш, ты себе представить не можешь! Завтра я обязательно тебе его покажу! Вася дал ему свое отчество и фамилию. Папенька, конечно, ужасно разозлился, узнав, но запретить все равно не мог. Хотя и пригрозил, что даже лишит его наследства. Однако Вася не испугался и все равно хочет жениться на Даше! Лиди, правда же, он поступил храбро, как настоящий мужчина?

Мне очень хотелось сказать подруге, что настоящий мужчина сперва ведет женщину под венец, а потом уже заводит детей, но я смолчала.

Признаться, я даже восхищалась Натали сейчас. Очень мало я знала людей, которые могут любить так искренне и бескорыстно. Совершенно не придавая значения тому, что племянник – незаконнорожденный и что его мать всего лишь горничная. Скажу честно, я бы так не смогла.

Натали же любила людей исключительно за их внутренние качества и всей душой стремилась помогать слабым. Пусть запала ее хватало ненадолго, как с госпиталем. Впрочем, большинство людей вовсе не считают нужным задумываться о бедах посторонних.

Я поступила в Смольный на три года раньше Натали. Эти три года были самыми тяжелыми в моей жизни: я ужасно говорила по-русски, не понимала и половины того, о чем ведут речь мои подруги по институту. Да и подругами они лишь назывались – девочки искренне хотели меня поддержать, зная, что я недавно осиротела, но были бесконечно далеки от меня. Да и то, что совсем недавно во Франции случился переворот, сокрушивший Вторую империю, сыграло свою роль – меня, француженку, считали, наверное, иностранной шпионкой и противницей монархии.

Я была ужасно одинока в то время.

Натали же едва ли не с первого дня своего появления в Смольном стала душой всего нашего курса. По счастью, ее поселили в одном дортуаре со мной, и даже кровати наши стояли рядом. Позже выяснилось, что Натали тоже потеряла мать, что и стало основной причиной нашего сближения – она понимала меня.

Помню, меня поразило, что она ровно вовсе не заметила, что я француженка – Натали ни разу не спросила, поддерживаю ли я новую власть во Франции, ратую ли за принятие конституции в России и как вообще так вышло, что меня – вовсе не дворянку и даже не русскую – приняли в Смольный.

За эти качества я сердечно люблю Натали и, хоть и недовольна ею временами, готова простить моей подруге все на свете.

– А как тебе Женечка? – хитро прищурившись, спросила вдруг Натали.

- Ты хочешь сказать - Евгений Иванович? - поправила я ее с упрёком.

Но Натали на этот раз и не думала виниться:

- Нет, именно Женечка! - Она придавала лицу важность и заговорила наставительным тоном: - Поверь мне, дорогая, мой кузен относится к тому типу мужчин, которых будут звать Женечками даже их внуки. В крайнем случае как-нибудь вроде «месье Эжен», - манерно произнесла она, - но никогда его никто не будет воспринимать всерьёз. Ты ведь помнишь этот момент за завтраком? Маменькин сынок!

- Когда ты начала так хорошо разбираться в типах мужчин? - с ноткой сарказма спросила я.

- Ну ты же не станешь спорить, дорогая Лиди, что опыта у меня побольше, чем у тебя! - абсолютно серьёзно отозвалась Натали. - Просто я помню Женечку ещё когда мне было три или четыре, а ему, соответственно, лет двенадцать. Помню, Людмила Петровна все время пыталась накормить его пирожными, пирогами и прочими сладостями. А вдобавок запрещала бегать и играть с другими детьми - они, видите ли, могли его обидеть. В результате Женечка был просто ужасно толстым и неповоротливым, с огромными пухлыми щечками... И рядила она его в какие-то ужасные бархатные костюмчики с рюшами и сорочки с кружевами. А в волосы заплетала ленточки - как девчонке, фу!

- Мне показалось, что сейчас он выглядит вполне мужественно, - заметила я ради справедливости.

- Ну, не знаю... ты хотя бы про сахарок вспомни! - отмахнулась Натали и продолжила: - Я помню, как он однажды пытался забраться в седло в своем бархатном костюмчике и кружавчиках, - Натали уже откровенно хохотала, - пыхтит, тужится, падает, но все лезет и лезет... мы с Васей тогда просто от смеха покатывались, глядя на это чудо!

- Натали, как тебе не стыдно! - Я изо всех сил старалась быть серьёзной, хотя это стоило мне усилий. - Мальчику не повезло с мамой - следует пожалеть его, а не хохотать.

– Вот здесь ты права, Лиди, – посерьезнев, ответила Натали, – хуже нет, чем мужчина, которого воспитала такая маменька. Бедная его будущая жена.

– Да-да, действительно бедная: вдобавок к супругу получит столь великолепную родственницу... – вполне серьезно вздохнула я.

И оборвала фразу на полуслове, потому что в этот момент где-то громко и отчетливо хлопнула дверь.

– Что это? – насторожилась Натали.

– Кажется, внизу.

Натали слезла с кровати и бросилась к окошку:

– Кто это в такой час к нам пожаловал? Или, наоборот, кто-то собрался прогуляться?..

– На крыльцо выходят окна из галереи, – напомнила я, тоже поднявшись и уже накинув шаль на плечи. – Пойдем посмотрим – чего гадать?

Натали засомневалась, но почти сразу кивнула:

– Пойдем...

В коридоре было совершенно темно, как и во дворе за окном. Свечу же мы предусмотрительно не взяли, дабы не быть замеченными. Долго смотрели в черноту ночи за стеклом и сперва не углядели ничего примечательного: тот же пейзаж за окном, что и днем, только погруженный во тьму.

А потом я увидела белую фигуру, которая спустилась по ступеням веранды... По усыпанной гранитной крошкой тропке она направилась в парк, где спустя недолгое время скрылась в тени деревьев.

Сначала мне почудилось, что фигура в белом и вовсе полупрозрачная и парит над землей. Однако я сумела уговорить себя, что это лишь свет луны создает такую иллюзию, а на самом деле фигура отбрасывает вполне реальную тень.

Ничего потустороннего здесь нет. Но оттого фигура в белом не стала менее загадочной: кто-то из обитателей дома – и, судя по узким плечам, это была женщина – ночью в одиночку направился в приусадебный парк. Зачем?

Тотчас мне подумалось, что папеньке Натали стало хуже – оттого послали за доктором. Однако ничего сказать я не успела.

– Ты видела это, Лиди, ты видела? – зашептала Натали чуть слышно. Лицо ее было бледнее мрамора, а расширенные от ужаса глаза смотрели в сторону парка, где уже скрылась фигура в белом. – Это привидение... должно быть, дух бывшей хозяйки усадьбы, чей портрет висит в конце коридора...

Я очень старалась вразумить Натали, но она меня не слушала. Настолько крепко вбила себе в голову идею о призраке, что так и не отпустила моей руки до тех пор, пока не уснула.

А я делала несколько попыток уйти: ведь, разумеется, это никакой не призрак, призраков не бывает! Это живой человек, который вышел из дома и который, скорее всего, скоро вернется. Вот момент этого возвращения мне и хотелось застать. Я наверняка смогла бы разглядеть его лицо, и, я уверена, все тотчас и разъяснилось бы.

Но я никого не увидела, потому как сидела подле Натали.

Глава пятая

– О, Лидия, какой сюрприз! – радушно улыбнулась мне Лизавета Тихоновна на следующее утро. – Входите-входите!

Комната хозяйки была просторной, но сплошь заставленной разнообразными сундучками, ящиками и коробками – по правде сказать, здесь царил некоторый беспорядок. Будуар был погружен в полумрак, так как окна оказались наглухо закрыты пыльными портьерами. Лишь несколько свечей на стенах и круглом столике, за которым сидела хозяйка, позволяли комнате не утонуть во тьме. А еще здесь остро пахло травами и пряностями, точно так же, как в комнате

Максима Петровича. А вскоре я увидела и источник этого запаха – в углах и под потолком были развешаны пучки засохших трав и цветов.

– Входите-входите, – повторила мадам Эйвазова, – присаживайтесь сюда.

Она поднялась и убрала со стула напротив себя какие-то коробки и похлопала по подушке, показывая, что обивка хотя и пыльная, но вполне мягкая.

Я не стала придираться и села, а Лизавета Тихоновна уже устроилась на прежнем месте.

Стояло совсем раннее утро, еще даже к завтраку не звали, и, по-видимому, хозяйка только что проснулась: ее белокурые, чуть вьющиеся волосы были расчесаны на прямой пробор и спускались на плечи, а сама она была одета лишь в ночную сорочку с накинутой поверх шалью. Массивные серьги из серебра и кольца, которые она обыкновенно носила, лежали на том же столе возле... – я на мгновение даже забыла, зачем пришла, – возле разложенных веером гадальных карт.

– Простите, я, должно быть, вам помешала?.. – извинилась я.

Но Лизавета Тихоновна разглядывала меня с улыбкой и недовольной не выглядела.

– Нет, не беспокойтесь, я уже закончила, – заверила она радушно. – Я прошу у вас прощения, Лида, за этот беспорядок: я редко принимаю гостей, увы. И прислугу сюда не допускаю, потому что – вы же видите... – она без капли смущения указала на свои богатства под потолком, – а Даша, наша горничная, крайне своевольная особа – она начинает все трогать, везде заглядывать, а трогать у меня ничего нельзя.

– Вы сами собираете эти травы?

– Разумеется, – легко ответила она, – мой муж тяжело болен, и я обязана сделать все, что в моих силах. Я не очень-то доверяю докторам.

Я покивала понимающе. Но все не могла оторвать взгляд от ее карт: раза в два больше обыкновенных, игральных; какие-то были повернуты рубашкой, где на черном фоне были начертаны золотым сложные узоры. А три карты оказались выложены внутренней стороной вверх и изображали людей, совершающих непонятные мне действия. Я все не могла оторвать взгляд от одной: на черном с голубыми разводами фоне был изображен некто в черном плаще и с белым черепом вместо головы. Под рисунком было выведено по-французски: «La morte»[10 - Смерть (фр.).] – и стояла римская цифра XIII. Эта карта лежала совсем рядом с рукой Лизаветы Тихоновны, и та иногда прикасалась к ней пальцами, как будто совершенно безотчетно.

– Какие старые карты, – вымолвила я невольно.

Они и впрямь были старыми – ужасно потертые, с заломленными краями и побледневшими рисунками.

– Я думаю, им столько же лет, сколько и этому дому, – ответила мадам Эйвазова. – Я и нашла их в доме, когда приехала сюда молодой женой Максима Петровича. Думаю, они принадлежали бывшей хозяйке усадьбы. Она была ведьмой. – Лизавета Тихоновна неожиданно улыбнулась уголками губ и добавила: – Так говорят, по крайней мере.

– И теперь ее дар перешел вам? – уточнила я на всякий случай.

– Вы так думаете? – Madame Эйвазова изумленно вскинула брови. – Если вас натолкнули на эту мысль мои травы, то хочу вам сказать, что на Руси издревле использовали снадобья на основе трав. А то, что это работает, признает даже современная медицина.

Я пожала плечами.

– А что до карт... – продолжила Лизавета Тихоновна, – уж в этом точно нет ничего оккультного, уверяю вас. – С этими словами она, не глядя, собрала карты в одну колоду и начала неспешно их тасовать. – Когда я гляжу на эти карты или перебираю их в руках, то мысли мои приобретают стройный порядок, я могу полностью сосредоточиться на том, о чем думаю, – а этого уже достаточно, чтобы принять верное решение. А остальное – жизненный опыт и знание людских душ, – она улыбнулась широко и доверительно, – никакой мистики, как

видите. Хотите, я вам погадаю?

– После того как сами же развеяли всю таинственность вокруг ваших карт? – с улыбкой спросила я. – Нет, спасибо. У меня нет вопросов, на которые я не могла бы найти ответы сама.

Лизавета Тихоновна уважительно кивнула:

– Завидую вам в таком случае, Лида. Зачем же вы пришли сюда? Обычно если кто и входит в мою комнату, то только для того, чтобы я погадала.

– Просто привыкла подниматься рано, – я добродушно улыбнулась, – и случайно узнала от горничной, что вы тоже не спите. Вчера в это же время я ушла прогуляться в парк, но... случилось одно неприятное событие: я встретила по дороге цыгана, вашего конюшего...

– Он был груб с вами? – поинтересовалась Лизавета Тихоновна.

– Нет-нет, не груб, но... про него в усадьбе говорят такие ужасные вещи...

Я изобразила на лице смущение и отвернулась. А Эйвазова свысока хмыкнула:

– Я вижу, вы уже имели разговор с Василием Максимовичем по поводу Гришки и он поделился с вами своими домыслами?

– Да... а что, он сказал неправду? – невинно осведомилась я. – Это не вы наняли цыгана, несмотря на его репутацию?

– Да нет, – снова хмыкнула Лизавета Тихоновна, – наняла его я: Гришка великолепно разбирается в лошадях – и он это не раз уже доказывал на деле. Я, видите ли, всего лишь слабая женщина, а вынуждена следить за немалой усадьбой сама. Потому как Максим Петрович уже полгода не встает, у Людмилы Петровны мигрень и нервы. Она только за столом строить из себя хозяйку мастерица, а на деле... А за управляющим нашим, дворецким, все перепроверять нужно – понимаете ведь? Так у кого мне просить помощи? Не у Васи же: от него проку еще меньше, чем от Людмилы Петровны, только с крестьянскими девками плясать и умеет. Спасибо Евгению Ивановичу – он хоть и навещает нас крайне

редко, но в помощи никогда не откажет. Вот и приходится... нанимать людей с подмоченной репутацией вроде Гришки-цыгана. Вы же не думаете, что наняла я его по своей прихоти?

- Разумеется, не думаю! - поспешила заверить я. И осторожно продолжила: - А еще я хотела спросить, куда вы ходили сегодня ночью?

В глазах мадам Эйвазовой появилось напряжение, а руки на мгновение замерли, перестав перемешивать колоду. Лишь на мгновение, но я все равно удовлетворенно улыбнулась, поняв, что попала в точку.

Мысль, что именно мачеху Натали мы видели этой ночью из окна и прошлой - в коридоре, - появилась у меня еще тогда же, ночью, когда я пыталась успокоить перепуганную подругу. Белый плащ был явно женским, а женщина, носившая его, не из прислуги, хоть и выходила через веранду. Ведь прошлой ночью я видела мельком именно этот плащ, который приняла за белую тень, - видела его на втором этаже, хотя слуги обитают лишь на первом, гораздо ближе к веранде. Людмила Петровна сразу исключается, так как дама ее комплекции едва ли смогла бы так легко и быстро перемещаться по парку. Оставались лишь Лизавета Тихоновна и Даша, которая хоть и горничная, но, как я уже знала, большую часть времени обитала в комнатах Василия Максимовича.

Признаться, именно Дашу я и подозревала сперва - до того, как вошла в комнату Эйвазовой и увидела ее уличные ботинки с прилипшими комками грязи, стоящие возле шкафа среди общего беспорядка. Если бы эти ботинки были брошены здесь накануне вечером, то грязь успела бы высохнуть в любом случае. Вывод - их оставили всего несколько часов назад. Сам белый плащ, я была уверена, находится в шкафу.

- Так вы тоже в некотором роде гадалка, Лида? - продолжив тасовать колоду, отозвалась Лизавета Тихоновна, возвращая на лицо улыбку, однако пряча глаза.

- Нет, что вы, я не люблю угадывать, - ответила я, не сводя с нее глаз, - мой попечитель с детства учил меня, что нет ничего хуже, чем строить версии на основе догадок, домыслов и личных предпочтений. Опираясь в суждениях следует только на факты. И, разумеется, нужно иметь известную долю воображения и гибкость ума, чтобы на основе сухих фактов выстроить логическую цепочку. Я увидела вас случайно из окна и узнала, - солгала я.

- Ваш попечитель, судя по всему, является полицейским следователем?

Я помолчала и осторожно ответила:

- Не совсем.

- Если вам очень интересно, Лида, то ночью я ходила в парк - мне нужно было собрать некоторые травы, которые лучшие свои свойства раскрывают именно ночью. Это сложно понять, и я вижу, что вы настроены скептически, так что просто примите это как данность.

- Хорошо, - согласилась я, поняв, что другого ответа все равно не услышу.

И еще мне стало ясно, что Натали оказалась не так уж не права в своей настороженности по отношению к мачехе. А я еще взывала к ее здравому смыслу... Теперь же и мне было ясно, что Лизавета Тихоновна, несмотря на всю ее кажущуюся кротость, не так проста.

- Вытяните карту, Лида, - попросила вдруг мадам Эйвазова, держа карты веером и рубашкой ко мне, - любую, на выбор - прошу вас.

Я же продолжала глядеть ей в глаза и силилась понять - стоит ли опасаться этой женщины? Ведь сложность натуры и кажущаяся непонятность далеко не всегда указывают на какой бы то ни было негатив, а полагаться полностью на предчувствия Натали я не собиралась.

И все же я подняла руку и коснулась одной из карт - самой крайней - той, которую держала пальцами Лизавета Тихоновна. Ее рука оказалась горячей и немного влажной, хотя в комнате было вовсе не жарко. Она волнуется? Чем-то обеспокоена? Боится?..

Однако Лизавета Тихоновна, перевернув выбранную мною карту, тоже, по-видимому, сделала какие-то выводы, потому как брови ее взлетели вверх. Потом она подняла взгляд и некоторое время молчала. Так и не дождавшись вопроса от меня, спросила сама:

- Вам разве не интересно узнать, что вы вытянули?

Я только улыбнулась и поднялась со стула:

– Нет. Благодарю, но я уже узнала все, что меня интересовало. – Я присела в книксене и направилась к дверям.

Карта меж тем была подписана: «L'Empereur»[11 - Император (фр.)], а изображала сидящего на троне повелителя.

* * *

За завтраком случилось невероятное – Евгений Иванович был весел. Я, конечно, очень мало знала этого господина, но отчего-то у меня сложилось впечатление, что большую часть дня он ходит хмурым. Хмурым настолько, что хотелось немедленно позвать его маменьку, чтобы она дала ему сахарок. Тогда бы он обязательно улыбнулся.

– Лиди, – окликнула меня Натали, едва я вошла в столовую, – Лиди, у нас просто чудесные новости! Завтра в усадьбе будут гости – приятели Жени по военной академии, ему только что доставили письмо!

Иногда я поражалась легкомысленности подруги: ее отец при смерти, а она готова прыгать от радости, узнав, что приедут гости.

К слову, не думала я, что Ильицкий окончил военную академию. Любопытно... Я смерила его скептическим взглядом. Но теперь хотя бы понятна его веселость: видимо, он очень дружен с этими офицерами.

– Я очень рада, что у нас будут гости, – поддержала ее Лизавета Тихоновна, тоже улыбаясь сегодня и как будто уже забывшая наш утренний разговор. – Максиму Петровичу намного лучше, и он сказал, что с удовольствием примет друзей Евгения Ивановича. Тем более что среди них будет князь Михаил Орлов, с которым Наташа была очень дружна в детстве.

– Тот самый Миша? – оживившись, негромко спросила я у Натали.

– Тот самый, – многозначительно кивнула она, – мой князь Миша.

Судя по тому, как поблескивали ее глаза, брат Китти Явлонской уже был позабыт, уступив место первой влюбленности. Мне и самой было чрезвычайно любопытно увидеть воочию этого Мишу.

– И теперь Михаил Александрович и впрямь князь! – важно оповестила Людмила Петровна, сидевшая рядом с нами и, по-видимому, слышавшая разговор. – Отец бедного мальчика скончался уж полгода как... – Она вздохнула и перекрестилась. Больше для виду, чем из сожаления к «бедному мальчику». – А ведь когда-то Максим Петрович с Александром Трофимовичем, батюшкой Миши, так надеялись поплясать на свадьбе Миши и Наташеньки.

Натали залилась краской, но Людмила Петровна этого будто не замечала. Заговорил Вася, желая загладить неловкость:

– Это было много лет назад, Людмила Петровна. Мой отец, верно, уже и позабыл о том уговоре. Да и Наташа с Михаилом Александровичем выросли и вправе сами решать свою судьбу.

Натали благодарно улыбнулась ему.

Людмила же Петровна только ухмыльнулась, громко отхлебывая чай.

В целом завтрак проходил в очень даже теплой обстановке – почти как в нормальной семье. Подали сегодня овсяную кашу, очень вкусную, которую Натали с аппетитом съела, поблагодарив мачеху.

Овсянку съела даже Людмила Петровна, заметив, впрочем, что соли можно было бы положить и поменьше. А потом она произнесла фразу, которую я пыталась осмыслить еще долго: «Недосол на столе, пересол на спине». Все-таки логику русского человека очень трудно понять.

Испытывая, видимо, неловкость за тетку, Вася поспешил тогда перевести разговор.

– А много еще гостей ожидается, помимо князя Орлова? – обратился он к Ильицкому. – Все же отец очень слаб и большую компанию едва ли выдержит.

– Кроме князя будет только один мой приятель, – отозвался Ильицкий. – И уверяю вас, Василий Максимович, задержатся они ненадолго – пусть вас это не беспокоит.

– И он тоже офицер? – с воодушевлением уточнила Натали.

– Тоже. – Мне показалось, что Евгений Иванович подтвердил это с неохотой. – Кроме того, он еще и врач – военный врач. Речь об Андрее Миллере, Наташа, он довольно часто навещал этот дом, пока ты училась в Петербурге.

– Какие любопытные у тебя друзья, Женечка, – изумилась невольно она, – никогда бы не подумала...

– А в какой военной академии вы учились, Евгений Иванович? – спросила я.

– В Николаевской, – коротко пояснил он.

– В академии Генштаба?!

Николаевская академия Генерального штаба – это самое престижное в России военное учебное заведение. Высшие военные чины, насколько я знала, все сплошь ее выпускники. Кто-то из них уже прославился на полях сражений как полководцы, но большинство так и осталось при Генеральном штабе в Петербурге, где сытно, тепло и не стреляют.

Я хотела было выразить свое восхищение, так как знала, что вступительные экзамены в эту академию очень сложны и выдерживают их только лучшие из лучших. Но быстро одумалась: очевидно же, что Ильицкий попал туда благодаря связям и деньгам своего дядюшки. Так что ничего удивительного. Вслух я изумилась другому.

– Странно... – обронила я. – Дело в том, что Смольный на каждый весенний бал уже много лет принимает слушателей Николаевской академии. И перед каждым балом мы, смолянки, готовим для них какой-нибудь сюрприз. В этом году мы вышивали огромное панно с именами всех выпускников академии. Помнишь, Натали, ты еще увидела в списке фамилию князя и уговорила меня и наших подруг взяться именно за его год выпуска. Семьдесят девятый, кажется? Это

была очень кропотливая работа, и фамилий было много. Но... быть может, я просто запамятовала, но имени Евгений Ильицкий там не было.

Вообще-то я не могла забыть: память у меня отличная – что есть, то есть. Я хорошо помню, что среди имен была фамилия Миллер, но Ильицкого не было точно. Что-то здесь нечисто.

Я вовсе не хотела сказать, что он лжет насчет обучения, и была уверена, что найдется какое-то разумное объяснение. И даже сама подсказала ответ:

– Наверное, вы были не однокурсником князя Орлова, а выпустились годом раньше или позже?

За столом же висело несколько тревожное молчание – все смотрели на Ильицкого. И тот в конце концов ответил:

– Видимо, моей фамилии не было в том списке потому, Лидия Гавриловна, что я не являюсь выпускником академии. Бросил ее на следующий год после поступления. Я удовлетворил ваше любопытство?

– Вполне. – Я поспешно отвела взгляд. – Простите, что затронула эту тему, должно быть, это неприятно вам.

И начала молча есть кашу. Теперь я чувствовала себя ужасно неловко – кажется, на меня с укоризной смотрели все, включая Натали. Ведь я поставила Евгения Ивановича в крайне неприятное положение, показав его человеком необязательным и легкодумным, который может вот так запросто бросить учебу, не посмотрев, что его родственники задействовали множество связей, чтобы пристроить его в такое элитное заведение.

Конечно, у Ильицкого могли быть вполне уважительные причины для такого поступка. Например, он участвовал в дуэли за честь прекрасной дамы, за что и был выгнан. Или же еще что-то столь же трогательное. Да только эти причины уже не могли повлиять на то, что мое мнение об Ильицком – и так, увы, невысокое – стало еще менее уважительным.

Матушка его все это время возмущенно пыхтела рядом со мной и вдруг заговорила, желая вступить за любимого сына:

- Так ведь Женечка не просто бросил...

- Мама, передайте молочник, будьте так добры! - перебивая ее на полуслове, попросил Ильицкий.

А ведь ему эта тема действительно неприятна, отметила я. Отметила и то, что он даже не пытается объясниться. Думает, что слишком много чести для такой, как я.

Я дотянулась до молочника вперед его матери и с любезной улыбкой подала его Ильицкому:

- Возьмите, Евгений Иванович.

- Спасибо, Лидия Гавриловна.

Мы улыбнулись друг другу, и мне даже показалось, что инцидент исчерпан.

Но мне это лишь показалось.

Чуть позже, когда, уже покинув столовую, я поняла, что оставила на спинке стула свою шаль, и вернулась за ней, невольно услышала разговор, который убедил меня в обратном.

- Ну Наташка и удружила! Привезла сюда эту французскую дрянь! - услышала я голос тетушки Натали и тотчас замерла, не дойдя до дверей в столовую. А та продолжала визгливо и плаксиво: - Но ты не волнуйся, сыночек, я сегодня же поговорю с Максимом Петровичем, и ее вышвырнут отсюда к чертовой бабушке! Где ей и место!

- Не надо, маман, - мне показалось, что Ильицкий усмехнулся. - Она не стоит ваших нервов. Уверяю, что эта французская дрянь сама очень скоро пожалеет, что приехала сюда.

Надо было, конечно, еще уточнить в словаре, что означает слово «дрянь», но мне подумалось в тот момент, что у меня впервые в жизни появился враг.

Глава шестая

Забавно, но не прошло и часа после подслушанного мною разговора, когда нас с Натали, прогуливающих по парку, разыскала горничная и сообщила, что меня желает видеть Максим Петрович.

Я шла в его комнаты готовая ко всему – даже к тому, что мне и впрямь велют немедленно уехать. Отец Натали очень милый человек, и мне не хотелось бы думать, что он способен на подобное, но теперь уж я готова была ко всему.

Ильицкий оказался прав: я уже жалела, что приехала в эту усадьбу. Возможно, стоило именно сейчас попрощаться со всеми и солгать, что Ольга Александровна срочно вызвала меня. Надо ли дожидаться, когда доблестный русский офицер Евгений Иванович станет воплощать в жизнь свой план мести?

Я вошла в полутемную спальню Максима Петровича и невольно ахнула: его постель была пуста.

– Входите, Лидия, входите... – услышала я его голос. Оказалось, что Эйвазов полулежит на кушетке у стола с шахматной доской и разыгрывает сам с собой партию. – Раздвиньте шторы, прошу вас, знали бы вы, как я устал находиться в этом склепе.

Я покорно начала раздвигать портьеры на всех окнах. Кажется, Максиму Петровичу и впрямь сделалось лучше: на лице его играли краски, а глаза выглядели намного живее. И выгонять меня он вроде был не намерен: должно быть, Людмила Петровна не успела еще пожаловаться.

– Присаживайтесь ко мне, Лидия. Вы умеете играть в шахматы?

– Немного, – отозвалась я, взяв стул и подсаживаясь к нему.

– Это хорошо! – довольно кивнул он, расставляя на доске фигуры. – А вот Наташенька совершенно не умеет. Я уж пытался ее научить, но она упорно путает ладью со слоном. – Он скрипуче рассмеялся – ему определенно было лучше сегодня. – Ладью со слоном, подумать только! И еще прочитала мне целую лекцию на тему, что это неправильно, когда королева защищает короля.

– У Натали множество других талантов, уверяю вас, – сочла нужным я заступиться за подругу. И уточнила: – Вы хотите поиграть со мной?

– Ну уделите уж немного времени старику, – обиженно отозвался Максим Петрович. – Всего одну партийку. Я бы Лизоньку позвал, она никогда не откажет, но играет без интереса, без огонька. Скучно, знаете ли, все время выигрывать. А Люся даже и вникать в смысл шахмат ленится – вот я и решил с вами удачу попытать.

– Конечно же, с удовольствием! – поспешила заверить я вполне искренне. – А что же Василий Максимович? Разве он тоже плохо играет?

Эйвазов позволил мне играть белыми, и я сделала первый ход пешкой.

– Вася хорошо играет. – Максим Петрович отчего-то вздохнул. – Да только отношения у нас с ним не очень... Вы уже слышаны, должно быть, обо всем.

– Может, вам помириться с сыном? – вместо ответа предложила я. – Он очень любит вас.

Максим Петрович тяжело посмотрел на меня из-под бровей, и я сразу пожалела, что сказала это. Не стоит вмешиваться в чужие семейные дразги.

– Васька все карты мне спутал, – неохотно ответил Эйвазов. – Столько надежд я возлагал на него! Думал, преемником станет, продолжит дело... А в итоге я управляющему на заводе доверяю больше, чем родному сыну. Он и так-то никогда интереса к делам не выказывал, а как с Дашкой спутался, так и вовсе... будто подменили. Что мне делать с ним, ума не приложу. Наследства лишить? Пустить по миру? Может, тогда эта девка отстанет от него?

– Даша все же мать вашего внука, – произнесла я, несколько напуганная его настроением. – И... вы не думали, что как раз этот мальчик сможет продолжить ваше дело, если вы не оттолкнете его сейчас?

Эйвазов даже от доски отвернулся, совершенно омраченный.

– Внук! – презрительно выплюнул он. Но потом, взглянув на меня, несколько смягчился: – Лидия, вы молоды и многого пока не понимаете. Даша – девка красивая, ушлая и себе на уме. Такая выгоды ни за что не упустит. А уж с кем она ребеночка нагуляла – большо-о-ой вопрос...

Я смутилась. Признаться, мне эта мысль не приходила в голову, но вполне может стать, что Эйвазов прав. Он между тем продолжал:

– Лизонька постоянно мне рассказывает, что Гришка-цыган к Дашке все клинья подбивает, да и она вроде не гонит его. А Васька... – Он отчаянно махнул рукой.

Я больше не решалась поднимать болезную тему, и некоторое время мы сидели молча, сосредоточившись на игре. Я только раздумывала, что все это очень похоже на то, что Лизавета Тихоновна нарочно настраивает отца против сына. Не для того ли она держит при доме цыгана, чтобы было в чем упрекнуть Дашу? И зачем она докладывает мужу о дворовых сплетнях? Даже если это и правда, Васиному отцу о том знать совершенно не обязательно. Может, Вася прав и мадам Эйвазова далеко не так мила, как кажется?

– Шах, Максим Петрович. – Я осторожно поставила ладью напротив его короля и подняла взгляд на Эйвазова.

Тот удивленно смотрел на шахматную доску и потирал нос:

– А вы хорошо играете, Лидия...

Он довольно предсказуемо закрылся ладьей, спасая своего короля.

– Спасибо, – ответила я. И добавила, помолчав: – Меня учил играть в шахматы мой попечитель, граф Шувалов.

Это было неправдой: выучил меня играть в шахматы еще отец. Но надо же было как-то вывести разговор на нужную мне тему. Эйвазов отреагировал не сразу.

– Граф Шувалов? – переспросил он настороженно. – Помнится, вы говорили, что не знаете фамилии вашего попечителя.

– Фамилии я действительно не знала... или он говорил, да я позабыла, – смущенно улыбнулась я, – но это не значит, что я ничего не знаю о Платоне Алексеевиче и его... – я поморщилась, – деятельности.

Я блефовала. Нагло и смело, как при игре в покер. Платон Алексеевич обыкновенно навещал Смольный раз в пару месяцев. Он подробно расспрашивал меня о новых знакомствах, о том, как я провожу время, что читаю, что думаю о тех или иных событиях... Нет, это даже близко не было похоже на допрос: я сама все ему рассказывала очень охотно. Хотя потом, позже, ругала себя за болтливость и думала, что о многом стоило бы умолчать. Как-то умел мой попечитель разговорить меня даже тогда, когда я этого не хотела.

Платон Алексеевич не только расспрашивал меня – он охотно делился со мною и своими соображениями относительно политики и событий в мире, приносил книги, помогал советом, разрешал некоторые мои проблемы. Он был всегда добр ко мне. Очень добр, что меня частенько настораживало, так как я не понимала причины.

Но вот о чем мы никогда не говорили, так это о нем самом. Я часто ловила себя на мысли, что вообще ничего не знаю об этом человеке, и порой сомневалась даже, что его и впрямь зовут Платоном Алексеевичем.

Но этого я говорить Максиму Петровичу, разумеется, не стала.

Он же внимательно выслушал меня, прищурившись и даже не глядя на доску. А потом спросил, видимо, догадываясь, что я блефую:

– Так просветите меня, Лидия, чем же занимается ваш попечитель?

Не знала я, чем он занимается... Точнее, не до конца была уверена – рада была бы ошибиться. Я знала только, что он не служит в полиции, как предположила

Лизавета Тихоновна, – это было бы слишком мелко для человека такого ума. Может быть, политический сыск, разведка или что-то в этом роде... Иначе как он оказался в тот страшный день возле гостиницы близ Парижа? Почему говорил со всеми начальственным тоном, и... все эти его приемчики, которым он с детства учил меня?

Вроде того, что нельзя позволять кому-то идти позади себя на пустынной улице, особенно если есть основания не доверять этому человеку. Всегда разумнее пропустить его вперед, делая вид, что замешкались или что поправляете одежду.

Или что, входя в помещение, всегда следует занимать такое место, с которого хорошо просматривается вход. И ни в коем случае не садиться спиной к дверям, ибо войти может кто угодно, а вы даже не заметите опасности. Лучше всего, когда позади только глухая стенка. Задерживаться в оконном проеме слишком долго тоже небезопасно: можно стать очень легкой мишенью для стрелка, притаившегося в доме напротив.

А еще, когда по мостовой мчится лошадиная упряжка, никогда не следует стоять на самом краю тротуара – лучше отойти шага на два, а то и вовсе находиться за чьей-то спиной. Просто в такой момент недоброжелателям очень легко устроить «несчастный случай», толкнув вас под копыта лошадям.

Все эти знания придуманы как будто для шпионских романов – обыкновенные люди ими не владеют! Они им не понадобятся и сто лет! Вывод о деятельности Платона Алексеевича напрашивался сам собою...

– Что вы молчите, Лидия? – с улыбкой спросил Эйвазов, потому что я долго не отвечала, а делала вид, что сосредоточена на шахматах.

Я подняла на него взгляд, в который попыталась вложить гораздо больше, чем в слова:

– Максим Петрович, вы сами должны понимать, что деятельность графа Шувалова такова, что о ней не стоит распространяться. Это может быть опасно как для вашей семьи, так и для меня. Прошу вас, не будем больше об этом: ведь мы оба знаем, на какой службе он состоит.

Тот перестал улыбаться. Взгляд его снова стал настороженным, и он торопливо ответил:

- Да-да, не будем, не нужно...

Хотя, разумеется, прекращать этот разговор я не собиралась – я его только начала.

- Максим Петрович, а вы давно знакомы с Платоном Алексеевичем? – спросила я еще через полминуты.

- Я? – Эйвазов хмыкнул и широко перекрестился. – Нет уж, слава Господу, что уберег он меня от такого рода знакомств. О Шувалове я лишь слышал – от Ольги Александровны, начальницы Смольного. Они, видите ли, с Платоном Алексеевичем старые друзья, да и мне она кое-чем обязана... Она, к слову, по старой памяти и помогла устроить Наташеньку в ваш институт. Добрейшая женщина, спасибо ей.

Я молчала и совершенно не выказывала своего внимания к разговору. Боялась сбить Эйвазова сейчас, когда он так разговорился.

- Попечитель ваш страшный человек, Лидушка... – продолжал Максим Петрович, понижая голос. – Большую власть имеющий. У самого Бенкендорфа, говорят, в любимых учениках ходил. Представляете, что это значит? Сотни людей отправил на каторгу, а многих и вовсе... – Он указал глазами на потолок и еще раз перекрестился. – Уж не знаю, какой у него к вам интерес, но опасайтесь этого человека, Лидия. Для нас с вами, простых смертных, такие знакомства благом никогда не обернутся.

Эйвазов говорил все тише, а последние его слова и вовсе были произнесены едва слышным шепотом. Замолчав, Максим Петрович дождался, когда я подниму на него совершенно потерянный взгляд, и заговорил вдруг с прежней звучной бодростью – от неожиданности я даже вздрогнула:

- Вижу, вы совсем соскучились в моем обществе, Лидия. Кстати, вам шах и мат.

Я вовсе не думала уже об игре, а Эйвазов, оказывается, сделал несколько удачных ходов и срубил две моих пешки и ферзя – последнюю защиту белого короля.

– Но, должен признать, вы весьма достойный соперник. – Он потирал ладони, довольный собою, глаза его горели. – Надеюсь, нам удастся поиграть еще.

– Да, я тоже надеюсь... извините, Максим Петрович, позвольте, я пойду к себе.

Он не стал меня более задерживать, и я сумела, кажется, не выдать своего волнения, пока не покинула комнату. Заперев же на ключ дверь собственной спальни, я уже едва могла совладать с собой, чтобы не разрыдаться, как истеричная институтка.

Я представляла примерно, что означает состоять на службе у Бенкендорфа. Да, ни самого Бенкендорфа, ни Третьего отделения Его Императорского Величества Канцелярии уже не существовало, но я была уверена, что сменилась лишь вывеска заведения, где служил Платон Алексеевич, а суть осталась прежней. И суть эта заключалась в том, чтобы искать «врагов империи», к коим, очевидно, относились и мои родители. Искать методично и тщательно, как умеют эти люди, не давая и шанса на спасение.

Я на что угодно готова была спорить, что, именно спасаясь от Платона Алексеевича, графа Шувалова, отец и мама сорвались тогда среди ночи бежать из дома. И допускала даже, что мама действительно была русской и оказалась замешана в чем-то... антиправительственном, возможно, даже в помощи террористам – но об этом и думать было страшно. Я не верила в это, не желала верить! Мама не могла причинить никому зла... скорее, она была случайной жертвой, случайным свидетелем. Вынуждена была уехать из Российской империи, спасаясь от Шувалова... и так и не спаслась.

А здесь, в чужой стране, в чужом доме, лежала на кровати я и сухим бездумным взглядом глядела в потолок. Мне предстояло решить, как относиться к Платону Алексеевичу впредь. И ведь не только к нему... мне пришлось глубоко и судорожно вздохнуть, чтобы комок из слез и обиды, раздирающий горло, не вырвался наружу – ведь и Ольга Александровна, его «старинная подруга», которая всегда выделяла меня чуточку больше, чем других смолянок, должно быть, делала это не из привязанности ко мне, а лишь для того, что проще было

меня, французскую дрянью, контролировать.

Глава седьмая

Остаток этого дня и начало следующего я старалась избегать встреч с Эйвазовыми и Ильицкими и все выбирала момент, чтобы сказать Натали об отъезде. Но когда сказала, наткнулась на полное непонимание.

– Это все из-за моей семьи? Они тебе не нравятся, да? – со слезами на глазах спросила она. – И со мной ты больше дружить не хочешь, да?

Я, разумеется, начала ее переубеждать – не сдержалась и расплакалась сама. Кончилось все тем, что мы сидели, крепко обнявшись, на скамье в парке и заверяли друг дружку, что никто и ничто никогда не встанет между нами.

Разговоров об отъезде я больше не заводила, но и находиться в усадьбе мне было настолько тяжело, что я считала дни до отъезда... Хотя появление гостей к вечеру второго дня заставило меня несколько пересмотреть отношение к своему здесь пребыванию.

Князь Михаил Александрович оказался ровно таким, каким я его себе представляла по рассказам Натали, – молодой человек лет двадцати пяти с несколько смуглой кожей, темными волосами и темными же глазами, которыми он внимательно и тепло глядел на собеседника. Манеры его оказались выше всяких похвал, а французская речь была настолько правильной, с характерным парижским выговором, что он понравился мне сразу и безоговорочно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Восточный дворянский титул на территории Армении и Азербайджана (здесь и далее прим. авт.).

2

Глупость бывает двух родов: молчаливая и болтливая (О. Бальзак).

3

Холестерин (фр.).

4

Каникулы (фр.).

5

Мировоззрение (фр.).

6

Революционеры (фр.).

7

Период в истории Франции с 1852 по 1870 г. 2 декабря 1852 г. в результате плебисцита была установлена конституционная монархия во главе с племянником Наполеона I Луи Наполеоном Бонапартом, принявшим имя Наполеона III.

8

Я вас не понимаю! Я не знаю этот язык! (фр.)

9

Русская песня, частушка (фр.).

10

Смерть (фр.).

11

Император (фр.).

Купити: https://tellnovel.com/loginova_anastasiya/zagadka-dlya-blagorodnoy-devicy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)